

Ardanayev Saken

Отель в Паттайе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ardabayev Saken

Отель в Паттайе

<https://litres.ru/73598706>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой человек из будущего, который по неизвестной причине оказывается в Советском Союзе прошлого. Он не просто выживает он начинает менять реальность, получая обрывочные сообщения с заданиями: кого-то устранить, что-то предотвратить, кого-то спасти.

Ardabayev Saken

Отель в Паттайе

Глава 1

Наверное, старость приходит не с годами, а с осознанием того, что конец уже не где-то далеко, а стоит рядом молча, терпеливо, как старый знакомый, которого ты не звал, но он всё равно пришёл. И вот, пока ты ещё можешь двигаться, пока тело слушается, ты будто назло ему живёшь упрямо, почти с вызовом. Потому что умирать не хочется. Не из-за страха даже, а из-за какой-то глупой, упрямой привычки быть. Пусть ругают пенсию, пусть жалуются, что денег не хватает... Мне, военному, иногда даже было стыдно перед другими стариками. У меня-то пенсия ого-го. Да и много ли теперь надо? Есть я привык в столовых, без излишеств, по-армейски. Формы военной осталось ещё на одну жизнь только вот жизнь уже не та. Вот так и сложилось: вроде всё есть, а использовать это уже некуда. Иногда я ловил себя на мысли, что жду. Не тороплю, не зову но жду. Как ждут поезд на пустой станции, зная, что он всё равно придёт, даже если опоздает.

Хотя где-то глубоко внутри надеялся на другое что всё закончится просто. Случайно. Без пафоса, без боли, без этих длинных прощаний с самим собой. Уснул и всё. Как выключ-

чили свет. Но, видно, человек никогда не уходит так, как ему хочется. Проснулся, как всегда, в полночь потому что лёг ещё с солнцем. Время теперь течёт как-то по-другому: не вперёд, а будто в стороны, растягиваясь между сном и пустотой. Я накинул куртку, машинально проверил карманы привычка, от которой не избавляются. Пусто. И вдруг это простое движение вытащило из глубины памяти совсем другой холод. Ночь. Не дача поле. Не тишина гул, в котором даже мысли звучат глухо. Тогда тоже было темно, и только вспышки рвали эту темноту на куски. Мы лежали, вжимаясь в землю, и каждый знал: сейчас не про страх, сейчас про секунды. Помню, как рядом лежал Серёга. Шутник был даже тогда ухмыльнулся, сказал: «Ну что, если что без пафоса, ладно?»

Я кивнул. Слова там были лишние. Потом был свет. Резкий, ослепляющий такой, что мир на мгновение исчезает, остаётся только белое пятно и глухота. Я тогда подумал, что всё. Что вот он конец. И странно не было ни жизни перед глазами, ни каких-то особых мыслей. Только одна: «Неужели так просто?»

Но тогда обошлось. Отпустило. Откатилось дальше, как волна.

А ощущение осталось. С тех пор я, наверное, и понял: смерть она не кричит, не предупреждает. Она просто одна-

жды оказывается рядом.

Я моргнул, возвращаясь обратно. Вышел из своей халупы дачи за городом. Скрипнула дверь, как всегда. Холодок привычно прошёлся по спине.

Открыл. А там свет. Не просто фонарь, не луна, не расцвет. Свет бил прямо в глаза ровный, плотный, будто у него была цель. И в этот момент стало тихо внутри.

Без паники. Без мыслей. Почти как тогда. Я вдруг понял, что всю жизнь боялся не смерти, а неизвестности. А сейчас она стояла передо мной, и в ней не было ничего страшного. Только неизбежность. Я понял: приплыл. От страха закрыл глаза. А может от надежды. Ну вот, закрыл глаза и всё. Стоял, стоял... Потом приспичило по маленькому, поэтому и открыл. А там темень непроглядная. Первая мысль: обошлось. Я усмехнулся. Ну что, костлявая, не взяла? Решила помучить полковника? Ну и хай с тобой пойду отолю. Сделав шаг, сразу понял: не туда иду. И вообще... это не моя дача. Глаза уже начинали различать силуэты: забор, очертания туалета в лунном свете. Только туалет какой-то неказистый, кривой туда страшно было заходить. Я свернул к деревцу и пометил его. Развернувшись, ноги сами понесли меня в хату. Там храпели мужики, и воняло перегаром и сигаретами. Машинально нащупал рукой выключатель и вклю-

чил свет. Да что за хрень... С потолка свисала лампа Ильича на витом проводе. Посреди комнаты стоял стол, сколоченный из грубых досок. На окнах занавески из какой-то тряпки. Я прошёл дальше и отодвинул занавеску, разделявшую комнату. Там спали два мужика в чёрных трусах до колен. Я посмотрел вниз. У меня были такие же. Стало как-то нехорошо. Взгляд упал на колени, что-то было не так. Живота не было. Поднял руки вены не проступали, кожа молодая. Подошёл к зеркалу. И вот он результат. Я смотрел на себя и не узнавал. Ну ты даёшь, костлявая... тихо пробормотал я. Значит, не просто не взяла. Значит, поигралась. Закинула. Попаданец. Я даже усмехнулся. Хорошо, что хоть читал про таких не совсем с нуля начинаю. Мысли лениво ворочались в голове, но усталость взяла своё. Я прошёл обратно и улёгся на широкую деревянную лавку, покрытую ватным матрасом без простыни. Ладно... разберёмся, пробормотал я, закрывая глаза. Теперь уже без страха. Пашка, вставай, всё проспий! услышал я сквозь сон. Услышал-то я услышал, а вот вставать не спешил. Ведь никого не знаю, что делать и как быть. Но меня растолкали, и я встал. Побрел во двор. Было прохладно, как-то ночью не заметил. Увидев умывальник на бревне, умылся, потрогал щетину. Скрылся в туалете, через щелку рассмотрел: у забора стояло три машины. Значит, какая-то из них моя. Дождался, когда мужики уехали, и сел в оставшуюся. Что делать? Ключь был в замке зажигания. Порывшись в бардачке, нашел права. Так, значит, предположил

я, прочитав: я Паша Румянцев, мне 25 лет. Вот так награда я молодой. Стал прикидывать, как изобразить потерю памяти. Куда ехать не знал. Поэтому, недолго думая, долбанулся лбом о бампер, разбил себя в кровь, упал и стал ждать. Холодно, блин, лежать-то. На дворе начало осени. Услышав топот ног, расслабился и позволил себя тормошить и обливать водой. Меня несли, тащили и везли. Ну вот, запахло больничкой. Меня раздели и обличили в халат. Терпеть я мог: не зря дослужился до полковника. Хотя и не пришлось воевать в горячих точках, но прошел две чеченские кампании, хотя вскользь, но тоже хапнул страха. Дождлся ночи и встал. Вышел в коридор, меня увидела дежурная и подбежала. Вам нельзя вставать! запричитала она и повела в койку. Я лёг с её помощью и, дождавшись дежурного врача, узнал, что у меня сотрясение мозга при ударе головой при падении с машины. Как вас зовут? спросил доктор.

Паша, ответил я. Как ваша фамилия? спросил он. Румянцев, ответил я.

Где вы работаете? спросил он. Я задумался и не вспомнил, чем огорчил его. Он ещё пытался меня проверить, и когда я не вспомнил год и сегодняшний день, он ушёл. А я спокойно уснул. Видимо, от сильного переутомления я проспал до утра. Утром разбудил меня запах еды. Мне, как лежачему, принесли манную кашу и кусок хлеба с маслом. Я

поел с удовольствием и стал ждать доктора. Меня снова пытали вопросами, но я, кроме своего имени и фамилии, ничего не мог вспомнить. В палате на две койки я лежал один. Кормили, развлекали. Даже приходил милиционер, расспросил меня и, не получив нужной информации, ушёл. Пришел начальник гаража. Увидев мою недееспособность, сообщил, что меня командировали из Астрахани на уборку урожая, а раз я ничего не помню, он даст мне расчетные, и я уеду на поезде обратно. Я дождался доктора. Он сказал, что у меня частичная амнезия и что это излечимо. Я получил выписку со справкой. За мной приехала машина, я получил расчетные и меня посадили на поезд.

Глава 2

Я приехал в Астрахань, теперь моя жизнь снова начиналась с чистого листа. Вокзал встречал меня жарким воздухом конца лета, запахом Волги и гулом трамваев. Я направился к своей автоколонне. Ряды грузовиков стояли под солнцем, блестя свежей краской и масляными пятнами на капотах. Меня встретили начальники, проверили документы, осмотрели внешний вид, а я ощущал себя чужим, почти потеряннным в этом шумном мире. Всё было незнакомо, и вместе с тем привычно. Автомобили, запах смазки и солярки, стук инструментов и голоса механиков всё это возвращало какую-то часть меня самого, ту, что ещё жила в армейских казармах и автоколоннах. Увидев, что их работник не узнает ни кого и ни что они поспешили от меня избавиться. По-

сле коротких формальностей я получил расчётные и купил билет на поезд до Москвы. Сел в купе, положил сумку на полку и смотрел в окно. За окном мелькали поля и реки, маленькие станции и деревни, а я пытался собрать воедино себя Пашу Румянцева, который больше не помнил прошлых дней, но двигался вперёд. Впереди была Москва, впереди неизвестность, но я уже понимал, что дорога продолжается, и каждый километр приближает меня к новой жизни. В Казани моё купе заполнилось пассажирами: семья из трёх человек, одна из которых была девочка лет десяти. Наш путь лежал до Москвы. С ними было легко они меня не знали, и общение было «вагонное»: ни про что и ни о чём. Свое будущее я никак не представлял. Моя полка была верхней, и я спустился на перрон при остановке, купил картошки и малосольных огурцов. Сел за столик. Девочка смотрела на меня голодными глазами. Я угостил её, а потом всю семью. Как оказалось, они были очень стеснены в средствах, хотя при разговоре об этом ни словом не обмолвились. Я сбегал ещё раз, купил пару чашек картошки и десять огурцов. Они достали каравай с хлебом, и мы наелись до отвала. Это была семья учителей из Казани. У них не сложилось с работой в школе, пришлось уволиться, и их пригласила сестра Веры, которая жила в Москве, пожить у неё годик в квартире в сталинской высотке. Их отправляли в длительную командировку в Египет на Ассуанскую плотину. Всё сложилось удачно, и вот они Вера с мужем Сашей и дочерью Олей едут в Москву.

Пока на год, а там как получится. Денег у них было немного, и в Москве нужно было жить, пока они работу не найдут. Раз пошёл такой откровенный разговор, я тоже признался, что попал в аварию на машине и потерял память. Как это случилось? спросила Вера. Я только пожал плечами. Саша, её муж, был молчалив и подавлен. Оля, почувствовав во мне кормильца, не отходила ни на шаг: Дядя Паша, расскажи, как ты жил до потери памяти. Я только пожимал плечами. Тогда скажи, сколько будет два плюс два? Спрашивала она не унимаясь. Четыре, ответил я. Она звонко засмеялась. А что ты любил есть, когда был маленьким? спросила Оля, не отводя глаз. Картошку, ответил я, пожимая плечами. И иногда пирожки с мясом Пирожки! вскрикнула она. Дядя Паша, а у вас дома кто готовил?

Мама, сказал я. Она очень хорошо готовила. Вера кивнула и улыбнулась:

У нас дома тоже мама готовила, но после школы работать пришлось много, времени не хватало. А чем ты занимался до того, как... Оля сделала паузу, будто боялась произнести слово «память», до того, как всё случилось? Я пожал плечами.

Машинами, ответил я коротко. Работал в автоколонне. Грузовики, дороги, рейсы... Ух ты! глаза девочки загоре-

лись. А ты умел всё чинить? Почти всё, усмехнулся я. Если что-то ломалось приходилось разбираться самому. Саша, сидевший молчаливо рядом, слегка кивнул. Паша, тихо сказал он, дороги трудные были? Да, разные, ответил я. Иногда ночами гнал машины через степь, через дождь и ветер. Но привыкаешь. Оля заговорщически наклонилась ко мне:

А страшно было? Я улыбнулся, вспомнив старые чувства: Страшно... бывает. Но если делаешь свою работу страх уходит. А потом остаётся только ощущение, что живёшь. Значит, ты настоящий мужик! воскликнула Оля.

Пожалуй, тихо согласился я, а в душе почувствовал, что эти простые разговоры дают ощущение дома, которого я сейчас почти не помнил. Вагон покачивался, скрипела рельса, и мы продолжали болтать о простых вещах: о еде, о школах, о путешествиях и о том, что будет, когда мы приедем в Москву. Смех, шутки, лёгкая тревога за будущее всё это смешалось в одно тёплое ощущение маленького человеческого мира на железной дороге. Пока поезд медленно катил нас к Москве, разговор в вагоне продолжался. Мы говорили о простых вещах: о дороге, о школе, о том, как тяжело иногда устроиться в жизни. Паша, тихо сказала Вера, когда поезд замедлил ход на очередной станции, знаешь... если хочешь, можешь пожить с нами, когда приедем в Москву. Мы не богаты, квартира большая, и место найдётся. Только за неболь-

шую плату символическую, просто чтобы помочь нам с расходами. Я сначала удивился. Никогда не думал, что меня кто-то так примет. Правда? спросил я, почти шёпотом. Правда, улыбнулась она. Мы сами нечаянно оказались в Москве, будем жить в сталинской высотке у моей сестры, и нам нужна компания... и немного помощи. Ты ведь, как я понимаю, без жилья и без работы? Я кивнул. Да, признался я. После... после аварии и больницы всё как в тумане. Ну вот, сказала Вера, бережно положив руку мне на плечо, тогда оставайся с нами. Покойно, безопасно. И, главное, никто не будет спрашивать лишнего. Саша, её муж, молчал, но я видел в его взгляде лёгкую благодарность. А Оля, маленькая Оля, прижавшись ко мне, прошептала: Дядя Паша, мы будем рады, если ты с нами. Я почувствовал странное тепло в груди. Никогда не думал, что чужие люди так просто могут стать твоей опорой. Ладно, сказал я наконец, я согласен. И в тот момент поезд, стук рельс и шуршание колёс стали казаться не просто дорогой к Москве, а дорогой к новому началу.

Глава 3

Поезд подошёл к Москве. Я впервые увидел город вблизи высокий, шумный, с длинными проспектами и светом, отражавшимся в окнах многоэтажек. Семья учителей из Казани, Вера с мужем Сашей и маленькой Олей, направлялась к своему новому жилью квартире сестры. Я взял такси и мы поехали. Когда мы подошли к сталинской высотке, я замер: здание было большое, монументальное, с массивными колоннами у

входа и строгой, но величественной архитектурой. Внутри лестницы были широкие, полы блестели от шлифованного мрамора, а в холле стояли крупные кресла и зелёные растения. Квартира была на верхнем этаже. Дверь открылась и перед нами раскрылась просторная, светлая комната. Высокие потолки, большие окна с видом на город, просторная гостиная с мягкими диванами и ковром на полу. Всё было чисто, аккуратно, почти как в фильме: массивная мебель, полки с книгами, посуда, расставленная аккуратно, словно готовая к приёму гостей. Вот так, сказала Вера, будем жить до тех пор, пока сестра с мужем не приедет с командировки. А ты, Паша, улыбнулась Вера, сможешь нам помогать? Пока нас не будет, квартира будет твоя временная забота. Я кивнул, ещё поражённый величиим квартиры и тем, что чужие люди доверяют мне своё жильё. Оля тут же побежала исследовать комнаты, открывая шкафы, заглядывая под кровати и с восторгом восклицая: Мама, смотри, какая большая кухня! Вечером мы ужинали вместе: простая еда, но в такой роскоши казалась праздником. Мы с Саша обследовали квартиру, где лежат документы, как обращаться с техникой, что включать и выключать. Вскоре после того, как семья устроилась в квартире, раздался звонок в дверь. Я подошёл первым и открыл. На пороге стоял мужчина в форменной милицейской форме строгий, с выправкой и точными движениями. Здравствуйте, сказал он ровно, не улыбаясь. Проверка регистрационного учёта. Кому принадлежит квартира? Ве-

ра шагнула вперёд: Квартира моей сестры, сказала она спокойно. Мы недавно приехали с Казани, документы на руках. Милиционер кивнул и достал блокнот. Меня о вас предупредили. Необходимо поставить всех жителей на учёт, строго пояснил он. Паспорт, свидетельства о рождении, регистрационные документы. Саша достал папку с документами, передал их мужчине. Я стоял рядом, тихо наблюдая. Оля пряталась за мамой, выглядывая любопытными глазами. Милиционер проверял документы, записывал данные, задавал вопросы: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место работы. Всё было строго, по инструкции. А вот этот молодой человек? спросил он, взглядом указав на меня. Это наш гость, пояснила Вера. Паша Румянцев. Он временно живёт с нами. Мужчина внимательно записал моё имя и данные, проверил паспорт и справку из больницы. На учёт поставлен, сказал он наконец. В дальнейшем просьба сообщать о любых изменениях. Семья кивнула, Вера поблагодарила, и милиционер спокойно ушёл, оставив после себя ощущение порядка и официального подтверждения их пребывания в Москве. Оля, едва дверь закрылась, с восторгом шепнула: Дядя Паша, теперь мы все «официально»! Я улыбнулся. Впервые за день почувствовал, что мир вокруг меня становится немного понятнее и структурированнее, даже если я сам пока ещё не до конца понимал, кто я и куда иду. После того как милиционер ушёл, в квартире воцарилась тишина. Вера села на диван и вздохнула: Ну вот, теперь мы официально зарегистри-

стрированы. Можно спокойно жить. Саша аккуратно сложил документы на стол и сказал: Хорошо, что всё прошло гладко. Теперь остаётся только устроиться на работу и привыкнуть к Москве. Оля всё ещё прыгала по комнате, с восторгом показывая на шкафы и полки: Мама, смотри! Здесь столько всего! И дядя Паша теперь с нами! Я стоял рядом, наблюдая за ними. Впервые за последние недели я почувствовал, что моё присутствие здесь имеет смысл. Вера, заметив мой взгляд, улыбнулась: Паша, раз уж ты с нами, будешь помогать по дому. Не сложно, но пригодится. Что именно? спросил я. Да всё: иногда сходить в магазин, приготовить чай, приглядеть за Олей, пока мы заняты, пояснила Вера. Небольшая плата за твоё проживание это не главное, главное помощь и компания. Саша кивнул: В Москве столько дел, и каждый день нужно что-то решать. Если будешь рядом, нам будет проще. Оля тут же подбежала ко мне: Дядя Паша, а ты будешь со мной играть? Я улыбнулся, слегка смущённо: Буду, конечно. Так я оказался в новой жизни: просторная квартира в сталинской высотке, необычная семья, маленькая девочка, и обязанности, которые постепенно вводили меня в ритм Москвы. Мы вместе разложили вещи, приготовили лёгкий ужин, обсуждали планы на ближайшие дни. Саша рассказывал о работе и предстоящих поисках работы, Вера о том, как они будут жить, а я слушал, постепенно осознавая, что теперь это мой дом на время их отсутствия. Вечером, когда город за окнами погрузился в сумерки, я сидел у ок-

на, смотрел на огни Москвы и думал, что впервые за долгое время чувствую себя немного нужным.

Глава 4

Ну вот, Москва. Я легализован. Справка из больницы позволяла временно не работать. Но что дальше? Для чего я здесь? Какова моя миссия? Неужели меня забросили в 60-е годы без цели? Для чего дали молодость, если не для чего-то важного? Я напряг память. Но ни капельки не писатель, песен не помню наизусть. Я военный и то ненастоящий. Схему ракет не знаю. В политические сплетни не посвящён. Из музыкантов помню только группу «Кино», Цоя и его продюсера Айзеншписа... Стоп. Остановил себя. А этот Юра... Он был не простой. Именно в эти годы он промышлял фарцой и валюткой. Я напряг память. Где-то слышал или читал, что он скупал валюту и менял её на золото. В голове всплыло: как он менял валюту на Пушкинской у цеховиков на золото. Или... или наоборот... Это уже не важно. В голове рисовался план. Моих расчётных денег надолго не хватит. Значит, по заветам Ильича, нужно экспроприировать деньги у экспроприаторов. С этими мыслями я уснул. Утром я проснулся с лёгким напряжением. Голова ещё болела после долгого сна, но мысли уже работали в ускоренном режиме. Москва встретила меня серым светом раннего утра, редким шумом трамваев и прохладой, вплетённой в запах мокрого асфальта. Я сел у окна и снова прогнал в голове план. Моих денег хватит ненадолго, а жить нужно. Значит, действовать нужно пря-

мо сейчас. По заветам Ильича экспроприировать у экспроприаторов. Первым делом решил вспомнить, кто здесь мог «держат деньги», кто попадает на глаза и кто не слишком подозрителен. Вспомнил Юру и его торговлю валютой. Возможно, это не самый законный путь, но опыт подсказывал. движение, хоть какое-то, лучше бездействия. Одев Олю, надел пальто, взял документы, справку из больницы и осторожно вышел на улицу. Ветер гонял по мостовой листья, и город казался огромным, шумным, почти живым организмом, где каждый шаг мог открыть или закрыть возможности. Первый пункт поиск информации. Я решил наведаться к знакомым местам или к тем, кто мог подсказать, где обменники, кто скупает валюту, кто обращается с золотом. По пути всплывали воспоминания о прошлом о встречах, о людях, которых я считал простыми, но в этих условиях они могли оказаться ключевыми фигурами. На каждой остановке, в каждом переулке, в каждом магазине я вслушивался, наблюдал, пытался понять: где слабое место системы, где есть шанс действовать. Город постепенно открывался, словно читая меня наизнанку. Вечером мы с Олей вернулись в квартиру. Во время прогулки я купил продуктов и приготовил гороховый суп. Вера с Сашей вернулись после дел, Оля спала. Я тихо сел за стол и накормил их. Как хорошо, что мы вас встретили благодаря Вера. С работой у них получилось их взяли учителями в школу и завтра им выходить на работу. А я достал карту Москвы и начал делать пометки, обводить маршруты, про-

думывать точки наблюдения и возможные контакты. Значит, подумал я, путь будет не лёгкий. Но иначе никак. Москва дышала подо мной, огромная и непривычная, и я впервые почувствовал вкус ответственности за каждый свой шаг. И теперь я каждый день гулял с Олей по Пушкинской улице. И вот на третий день, солнце клонилось к закату, когда я гулял по Пушкинской с Олей. Девочка болтала без умолку, показывала на витрины, восхищалась уличными музыкантами и удивлялась, как много людей на улицах Москвы. Я улыбался её энтузиазму, но сам был погружён в свои мысли. Мы нашли скамейку возле небольшого парка, и я уселся. Оля села рядом, положила голову мне на плечо и тихо наблюдала за прохожими. Я смотрел на шумную улицу и пытался уловить любой намёк, любую деталь, которая могла бы помочь в предстоящей встрече. Айзеншпис должен был появиться здесь в месте, которое он считал безопасным, привычным. Я знал о нём немного: продюсер, связанный с Цоем и музыкой, но в моих планах он был важен по другой причине. Дядя Паша, а что мы ждём? тихо спросила Оля. Того, кто нам нужен, ответил я. Он придёт, и всё станет понятнее. Ветер доносил запахи свежей выпечки из ближайших кафе, смешиваясь с городским шумом и ароматом каштанов, сброшенных с деревьев. Люди проходили мимо, спешили по своим делам, не замечая нас. Для меня это была не просто прогулка с девочкой, а время подготовки: глаза на улице, внимание к каждой детали, к каждому движению. Я присел поудобнее, немного

сдвинулся, чтобы Оля могла смотреть на происходящее вокруг. Сердце слегка колотилось впервые я чувствовал напряжение от предстоящей встречи, но в то же время внутреннее спокойствие: план постепенно складывался в картину, и каждый момент ожидания приближал меня к действию. Видишь того человека у киоска? вдруг тихо прошептала Оля, указывая пальцем. Я посмотрел, но не смог определить, кто он. Возможно, это он. Я кивнул, не выдавая волнения, и снова повернул взгляд к Пушкинской. Скамейка, шум города, золотые лучи уходящего солнца всё сливалось в ожидание. И вот, среди привычного движения людей, я заметил фигуру, которая шла точно по моему плану: уверенно, спокойно, с лёгкой привычной улыбкой. Айзеншпис. Высокий, с оттопыренными ушами, он нёс свёрток в руках. Мы с Олей встали и, как шпионы, проследили за ним. Он зашёл в пятиэтажку, а наша пара не привлекала внимания. Мы прогулялись по дворику и зашли в подъезд. Поднявшись на пятый этаж, я прошептал:

Оля, не шуми и не разговаривай. Кажется, я встретил своего знакомого, но напугать его не хочу. Вдруг он поможет мне вспомнить о прошлом. Мы затаились, и через полчаса я услышал скрип двери. Я выглянул Юра вышел из квартиры и пошёл на улицу. Мы вышли через десять минут и принялись гулять по двору, чтобы не привлекать внимания. Домой вернулись поздно. Вера волновалась. Я сказал, что загулялся,

и они успокоились. Мы поели борщ, который я приготовил ещё вчера. От долгой прогулки Оля быстро уснула. У нас в школе требуется сторож, предложила Вера. У них в мыслях не укладывается, что советский человек может не работать. Я пожал плечами: Для работы сторожем прошлой памяти не нужно. Но я отказался, сказав, что устроюсь водителем, как только станет лучше с памятью. Вот и хорошо, сказала Вера. Мы уже нашли место в школе для Оли, и с понедельника она пойдёт в нашу школу. Так мы и уснули.

Глава 5

Ссылаясь на поиск работы, я выходил на слежку за Айзеншписом. За неделю выяснил, что на этой квартире он бывает два раза. План созрел. Хоть и сырой, но я решил действовать, это ведь совок, тут всё спокойно. Все складывалось удачно. Семья Нестеровых ушла в школу, а я отправился на точку, где незаметно следил за подъездом. Никого постороннего не было. Жителей дома я уже узнавал издали и знал, кто куда и зачем ходит. Юра появился буднично, не оглядываясь. Он вошёл в подъезд, как к себе домой, и скрылся за дверью. Я выждал несколько минут и последовал за ним. Поднявшись на этаж выше, я прошёл к двери и замер. Затем тихонько вернулся к предыдущей двери, затаившись на ступеньке выше площадки. На моей голове была шапочка с вырезами для глаз, а в рукаве арматурная дубина. Ждать пришлось полчаса. Фортуна благоволила мне: жильцы не проходили мимо. И вот щелкнул замок заветной двери. Я натянул

на лицо шапку. Она открылась. Бросок. Арматурная дубина скользнула вниз, рука обхватила холодный металл. Я бросился внутрь. Удар Юре пришелся по голове. Он упал показав за собой громадного кавказца. Передо мной было тесное пространство, но опыт военного не пропёшь. Я хоть и не знал устройства ракет, но рукопашке был обучен. Его рука потянулась за пояс но моя дубина уже коснулась его головы.. Он присел схватившись за голову. Пинком я опрокинул его навзничь и вытащив из кармана веревку связал его. Затем связал Айзеншписа. Завязав им глаза и рот я устало сел на стул и обвел взглядом квартиру. Спohватившись я быстро закрыл открытую дверь и стал обследовать квартиру. Вытащив из кармана кавказца пистолет ТТ, я проверил обойму – в ней масляным отблеском блеснула пуля. Пистолет я отложил на полку и прошёл в зал. Сердце ещё бешено колотилось. В комнате было полно мебели: стулья, как из «Двенадцати стульев», и большой сейф с открытой дверцей. Я подошёл он был заполнен пачками денег и золотыми брусками. Я присел от изумления. Начал осматривать квартиру. Нашёл три чемодана, вытряхнул их содержимое и заполнил деньгами из сейфа. Чемоданы получились неподъёмные килограммов по тридцать. В сейфе обнаружился ещё один пистолет «Макаров» с двумя обоймами. Я тоже убрал его в чемодан. Сел на диван, вытер пот. Успокоившись, тщательно протёр отпечатки пальцев. Взяв два чемодана, вышел из квартиры, закрыл дверь на ключ и через двор, с двумя остановками, дошёл до

остановки. Сел в автобус и поехал до вокзала. На вокзале сдал чемоданы в камеру хранения на три дня и поехал обратно. Не заходя во двор, я присел на лавочку и стал рассматривать прохожих. Во дворе началась суeta. Я насторожился что-то произошло. Неспешно пошёл к остановке, по дороге зашёл в магазин, купил картошки и вернулся домой. Семья Нестеровых пришла уже затемно. Их встретил запах жареной картошки. О, картошечка! с вожделием произнёс Саша. С устройством на работу он заметно ожил, стал веселее. Вера подскочила и поцеловала меня в щёку: Какой ты молодец, Паша! Оля тут же повисла у меня на поясе: Как вкусно пахнет! Дядя Паша, что ты приготовил? Я стал накрывать на стол. Мы вкусно поели. Я устроился на работу, признался я. Буду водить автобусы в Крым. О, поздравляю! восторженно сказал Саша. Вера одобрительно погладила меня по плечу. Оля подбежала ближе: Ты всё вспомнил? Я улыбнулся: Да. Как рулить вспомнил. Она обняла меня. На этих тёплых эмоциях мы и уснули. Утром, когда все ушли, я отправился на вокзал. Забрав чемоданы, проехал на автобусе две остановки, затем поймал такси и добрался домой. Поднявшись, сел на диван и отдышался. Операция удалась. Одна из комнат в квартире была заперта там хозяева оставили свои ценные вещи. Поискав, я нашёл ключ в вазе и открыл дверь. Комната была заставлена коробками и чемоданами. Открыв один из своих чемоданов, я переложил его содержимое в коробку, вытащил несколько пачек денег, перевязал

их бечёвкой и спрятал среди коробок. Вряд ли Нестеровы будут рыться в этой комнате. Затем аккуратно вскрыл подкладку чемодана, уложил туда пачки денег и оба пистолета, после чего тщательно замаскировал разрез. Сложив вещи, я понял, что выгляжу как оборванец. Закрыв чемодан и отправился в ГУМ. Огромный, светлый, шумный, с витринами, сверкающими стеклом и хромом, он казался отдельным миром. Люди шли вдоль рядов, выбирали вещи, обсуждали покупки и среди всего этого я ощущал себя странно, почти чужим. Сердце стучало сильнее. Каждый взгляд прохожих казался внимательным, каждый шаг потенциально опасным. Я нес свой чемодан уверенно, но мысленно повторял: «Ничего не выдавать, спокойствие, контроль». Внутри ГУМа я заметил, как продавцы переглядываются между собой, а покупатели спешат к кассам. Я понимал, что мой чемодан сейчас это не просто ноша, а символ новой роли: человека, который имеет деньги, власть и возможность распоряжаться ими. Я подошёл к одному из крупных магазинов, где были отделы с дорогой одеждой и бытовой техникой. Поставив чемодан на пол, я почувствовал, что взгляд прохожих стал другим: интерес, любопытство, некое уважение, которое мне раньше было чуждо. Держись спокойно, шептал я себе, не показывай волнения. Я стал рассматривать витрины, выбирать товары, мысленно просчитывая траты, маршруты и возможности. Всё выглядело почти как игра: я игрок, который только что вошёл в новую роль, где каждое действие име-

ет значение. Несколько минут я просто стоял, глядя на людей, осознавая контраст между прошлым: маленькой квартирой, недоеденной картошкой, тревогой и осторожностью, и настоящим: чемоданы с деньгами, возможность покупать, планировать, контролировать ситуацию. И в этом напряжении, в этом контрасте, я впервые почувствовал вкус власти тихой, скрытой, но ощутимой. Москва шумела вокруг, а я стал частью её жизни, теперь уже не просто наблюдателем, а игроком, готовым действовать. Накупив вещей Я осторожно поднял чемодан, проверил его вес, и шаг за шагом вышел из магазина, растворяясь в потоке людей, точно зная: этот мир теперь можно использовать, если действовать умно и без спешки. По дороге зашел в гастроном купил колбасы , косточек на суп и картошки. На ужин приготовил жаренную картошку и сварил суп с вермишелью. Когда семья Нестеровых пришла со школы их ждал накрытый стол. Они обрадовались. А я сообщил что ночью уезжаю в рейс . Поев мы попрощались и они проводив меня до двери помахали мне рукой.

Глава 6

Отъезд был как побег. Я сам не знал своих задач и зачем я здесь. Пока была неопределённость было проще. А вот когда образовалась база, всё завертелось. Решив кардинально изменить жизнь, я купил билет в Кисловодск, к морю. Нацепив на рубашку значок ГТО и комсомола, я слился с толпой своих сверстников. Ночной вагон встретил меня обустривав-

шимися пассажирами. Я подождал в коридоре. Меня вежливо пропустили, я закинул чемодан на верхнюю полку, и мы стали знакомиться. Михаил, представился мужчина и кивнул на жену. Это Наина.

Третьим пассажиром была их трёхлетняя дочь Ирина. Посмотрев на большое родимое пятно на черепе Михаила, мне стало не по себе. Я заправил постель. Время было позднее, и было не до разговоров мы улеглись спать. Но сон не шёл. Мысль не покидала меня: что это? Провидение или судьба подталкивает меня к изменению истории? Поверить в такое совпадение я не мог. Убить его сейчас и не будет развала СССР... Но усталость взяла своё, и я уснул. Проснулся от плача девочки. Ирина капризничала и хныкала. Простите нас, извинилась Наина и мягко пожурела дочь. Вот видишь, разбудила дядю. Девочка перестала хныкать и уставилась на меня вопросительным взглядом. Я слез с полки, сел рядом и сказал: Доброе утро. Ты ни в чём не виновата, я и сам уже проснулся. Она удивлённо посмотрела на меня: Меня зовут Ирина, представилась она. Я протянул ей руку: А меня зовут Паша. В этот момент вошёл Михаил. А вы уже познакомились! произнёс он с явным удовольствием. Паша, иди умываться, а то через полчаса станция будешь неумытым долго ещё, пошутил он. Я последовал его совету, взял полотенце и поплёлся в конец вагона. Кое-как умылся, почистил зубы, побрился, освежился одеколоном, купленным в ГУМе, и

вернулся. О, восхитилась Наина, молод и свеж! Она накрывала на стол. Бросив полотенце на полку, я присел. Комсомолец? спросил Михаил, грызя морковку. Да, ответил я и посмотрел на стол. С собой я не взял продуктов, предполагая, что буду питаться в вагоне-ресторане, но ситуация всё изменила. Присаживайтесь, Паша, предложила Наина, словно прочитав мой взгляд. Я сел. Столик уже был накрыт поверх него лежала потёртая клеёнка с выцветшими розами. На ней стояли гранёные стаканы в металлических подстаканниках, алюминиевая ложка, солонка в виде грибка и аккуратно разложенные продукты. Наина ловко развернула бумагу с колбасой плотной, с жирными белыми вкраплениями. От неё сразу пошёл знакомый запах копчёный, тёплый, с лёгкой кислинкой. Рядом лежали варёные яйца, ещё тёплые, в газете, на которой проступали жирные круги. Деревенские, пояснила она с лёгкой гордостью, заметив мой взгляд. Михаил тем временем достал из сумки небольшой нож с потёртой деревянной ручкой и начал нарезать хлеб тёмный, плотный, с хрустящей коркой. Крошки тут же посыпались на стол. Хлеб в дорогу всегда свой берём, сказал он. В вагоне так себе. Ирина уже сидела, болтая ногами, и держала в руках варёное яйцо, постукивая им по столу. Папа, почисти, потребовала она. Сама учись, отмахнулся Михаил, но всё же взял яйцо и начал аккуратно снимать скорлупу. Из соседнего купе донёлся звон ложек и чей-то сонный голос:

Чай... горячий чай... По коридору прошла проводница в синей форме, слегка пахнувшая угольной гарью и крепким чаем. В её руках звякнули стаканы. Наина налила кипяток из термоса в стаканы. Вода зашипела, когда она опустила туда пакетик с заваркой тонкая бумажка сразу потемнела. Сахар берите, она подвинула ко мне небольшую жестяную коробочку. Я взял кусочек рафинада. Он был чуть влажный и скрипнул на зубах, когда я откусил угол. Комсомолец? спросил Михаил, грызя морковку. Да, ответил я. Он кивнул, будто это многое объясняло. Правильно. Молодёжь сейчас должна держаться... он сделал паузу, подбирая слово, ...линии. Я машинально посмотрел на значок у себя на рубашке. Красный, с профилем, он вдруг показался тяжелее, чем обычно. А вы куда едете? спросила Наина, аккуратно раскладывая по тарелкам колбасу. В Кисловодск, ответил я. Отдыхать? оживилась она. Можно и так сказать. Ответил я неопределенно. Михаил усмехнулся: Сейчас все в Кисловодск. Воды попить, воздухом подышать... здоровье поправить. Он сказал это буднично, но я невольно снова посмотрел на его голову. Родимое пятно было видно даже сквозь коротко стриженные волосы. Ирина тем временем добралась до колбасы. Наина достала её из сумки завернутую в вощённую бумагу, чуть жирную на ощупь. Запах сразу стал насыщеннее домашний, тёплый, с чесноком и лавровым листом. Вот! гордо сказала девочка. Наша! Только аккуратно, предупредила Наина. Я взял кусок. Мясо было плотное, чуть пе-

ресолненное, но после дороги казалось почти праздничным. За окном медленно тянулись поля, редкие деревни, столбы с проводами. Колёса глухо стучали, будто отбивая чей-то размеренный счёт. Я ел и слушал их обычную семью, обычный разговор, обычное утро. И от этого становилось только тяжелее. Потому что мысль никуда не делась. Она просто сидела где-то рядом. За этим столом. Он произнёс это негромко, почти вполголоса, и тут же перевёл взгляд на чай, будто разговор был о погоде. Наина осторожно пододвинула мне тарелку: Кушайте, Паша. В дороге лучше не думать лишнего. Я уловил, как она слегка выделила последнее слово. Из коридора донёсся смех, потом кто-то громко сказал:

Да всё у нас нормально! Чего вы... Голос оборвался, словно его осадили. Михаил хмыкнул: Громкие у нас люди... и добавил уже тише: до первого замечания. Он отломил кусок хлеба, задумался. Время сейчас такое... начал он и замолчал. Какое? неожиданно спросил я. Он посмотрел на меня внимательно, чуть дольше, чем требовалось. Переменчивое, ответил он после паузы. Сегодня одно говорят, завтра другое. А нам... он пожал плечами, нам своё дело делать. Наина быстро вставила: Главное чтобы спокойно было. Спокойно... Михаил усмехнулся. Это как сказать. Он понизил голос ещё сильнее: У нас на работе недавно одного... перевели. Миша, тихо одёрнула его Наина. Он кивнул, будто сам себя остановил. Ну, перевели и перевели, сказал уже гром-

че. Значит, так надо. Я почувствовал, как разговор идёт по краю. Каждое слово как шаг по тонкому льду. Ирина в этот момент подняла голову: Папа, а куда перевели? Наина тут же улыбнулась: На другую работу, солнышко. Ешь колбаску. Девочка кивнула и снова занялась едой. Михаил посмотрел ей вслед и тихо добавил: Сейчас лучше меньше знать. Он сказал это почти шёпотом, и в этих словах было больше смысла, чем во всём предыдущем разговоре. Я машинально коснулся значка на груди. А вы... Михаил снова перевёл на меня взгляд, по линии едете или так? Вопрос прозвучал буднично, но внутри него было сразу несколько слоёв. Отдохнуть, ответил я. Он ещё секунду смотрел, потом кивнул: Отдых дело нужное. Пауза затянулась. Только ложки тихо звякали о стаканы. За окном промелькнула станция облупленная вывеска, пара военных на платформе, женщина с ведром яблок. Наина вдруг сказала: Главное чтобы войны не было. Михаил сразу посмотрел на неё, потом отвёл взгляд: Это да... тихо сказал он. Остальное... переживём. Я слушал их и понимал они говорят не о том, о чём говорят. И в этом было что-то страшнее прямых слов. Мы ели, пили чай, делили хлеб как будто всё было нормально. Но между нами уже сидело не только утро. А время. И страх сказать лишнее.

Глава 7

Поезд замедлил ход и, тяжело вздохнув тормозами, остановился. Поблагодарив за завтрак, я вышел на перрон. Воздух сразу показался теплее мы явно продвигались на юг.

Пахло угольной гарью, пылью и чем-то сладковатым то ли от разогретых пирожков, то ли от дешёвого табака. На платформе стояла суeta: торговки с корзинами, мужики с авоськами, кто-то спешил к вагонам, кто-то, наоборот, только сошёл и оглядывался, прищурившись на солнце. По привычке военного я сначала купил продуктов хлеб, пару яблок, бутылку лимонада в стекле и только потом оглянулся вокруг. Паша! услышал я окрик. Я обернулся. Михаил стоял у вагона, но смотрел не на меня куда-то в сторону вокзала. Лицо его было напряжено. Я проследил за его взглядом. Неподалёку, у облупленной стены здания, пьяный мужик мутузил женщину. Она пыталась закрыться руками, пригибалась, но он бил её, не разбирая тяжело, зло, с размаху. Люди вокруг замедлялись, смотрели... и проходили мимо. Кто-то отворачивался. Кто-то делал вид, что не замечает. Михаил стоял, словно прикованный. Он явно хотел вмешаться но не двигался. Только искал глазами... помощи? Разрешения? Всё произошло быстрее, чем я успел подумать. Я бросил сумку и рванулся вперёд. Подскочив к ним, я перехватил руку мужика на замахе и резко вывернул её назад. Он заорал, попытался вырваться, махнул свободной рукой, но я уже вошёл в захват на автомате, как учили. Тихо! процедил я сквозь зубы. Он дёргался, матерился, пытался ударить головой, но я прижал его к стене и довёл приём до болевого. Он заскулил. Женщина отшатнулась, прижалась к стене, тяжело дыша. Вокруг быстро собралась толпа. Правильно! Давно на-

до было! Пьяный же... Но никто не подходил ближе. Раздался резкий свисток. Что здесь происходит?! крикнул кто-то. Сквозь людей протиснулись двое в милицейской форме сержант и молодой лейтенант. Ремни, кобуры, потёртые фуражки. Отпустите его! скомандовал сержант. Я чуть ослабил захват, но не отпустил полностью. Он женщину бил, сказал я. Разберёмся, коротко ответил тот. Отпускайте. Я разжал руки. Мужик тут же попытался вырваться, но милиционер схватил его за ворот. Стоять! Приказал он. Лейтенант уже опрашивал женщину, та что-то сбивчиво объясняла, всхлипывая. Я поднял свою сумку и машинально посмотрел в сторону поезда. Состав дёрнулся. Потом ещё раз. Колёса заскрипели. Чёрт... выдохнул я и шагнул к вагону. Постойте, гражданин! резко окликнул меня сержант. Я остановился. Он подошёл ближе, внимательно оглядел меня с головы до ног, задержав взгляд на значке. Это вы его скрутили? Спросил он. Я. ответил я чувствуя, что попал в неприятности. Тогда пройдёйте в отделение. У меня поезд, кивнул я в сторону уходящего состава. Сержант даже не обернулся. У всех поезд, сказал он сухо. Пройдёйте. Я ещё раз посмотрел на вагоны. В одном из окон мелькнуло лицо Наины. Рядом силуэт Михаила. Поезд медленно уходил. И вместе с ним что-то важное. Я перевёл взгляд на сержанта. Хорошо, сказал я. В отделении оказалось в том же здании вокзала за тяжёлой дверью с облупленной зелёной краской. Внутри пахло табаком, бумагой и старым линолеумом. Где-то звенел теле-

фон, скрипела дверь, кто-то кашлял за стеной. Проходите, кивнул сержант. Меня провели в узкую комнату. Стол, два стула, портрет на стене, шкаф с папками. На подоконнике пыльный кактус. Сержант указал на стул: Присаживайтесь. Я сел. Он не торопился. Сначала снял фуражку, аккуратно положил её на край стола, потом открыл папку, перелистнул несколько листов будто искал нужное, хотя папка явно была пустой. Фамилия, имя, отчество? наконец спросил он, не поднимая глаз. Я ответил. Год рождения? Я назвал. Он записал. Почерк у него был медленный, с нажимом. Место работы? – Временно не работаю. Он поднял глаза. Как это временно? В отпуске. Пауза. Он кивнул, будто принял, но не поверил. Документы есть? Я протянул паспорт. Он долго его рассматривал. Слишком долго для обычной проверки. Перелистнул страницы, задержался на прописке, потом на фотографии. Комсомолец? спросил он, кивнув на значок. Да. Активный? Вопрос прозвучал как будто невзначай. По мере возможности, ответил я. Он усмехнулся краем губ. Понятно... Дверь скрипнула. Вошёл лейтенант тот самый, с платформы. Женщина заявление писать не хочет, сказал он. Говорит, «само обошлось». Сержант кивнул: А этот? Пьяный. Уже притих. Лейтенант мельком посмотрел на меня: Это он его так? Он, подтвердил сержант. Лейтенант присвистнул тихо: Ловко. Сержант не отреагировал. Он всё так же смотрел в паспорт. Значит, произнёс он медленно, вы... просто проходили мимо? Да. И решили вмешаться. Да. По собственной

инициативе. Да. Каждое «да» звучало всё тяжелее. Он закрыл паспорт и положил его перед собой, но мне не вернул. А служили? спросил он. Служил. На границе ответил я. Он снова посмотрел внимательно. Теперь уже иначе. И навыки, значит, остались. Остались. Пауза затянулась. Где-то за стеной хлопнула дверь, раздался чей-то смех, быстро оборванный. Сержант постучал пальцами по столу. Время сейчас... начал он и замолчал. Я ждал. Разное, закончил он. Он наклонился чуть вперёд: Вы правильно сделали, что вмешались. Это... по-человечески. Короткая пауза. Но, добавил он, сейчас не всегда полезно проявлять инициативу там, где её не просят. Он сказал это тихо, почти дружелюбно. Но смысл был другим. Я промолчал. Он ещё секунду смотрел на меня, потом откинулся на спинку стула. Вы куда направлялись? В Кисловодск. Отдыхать? Да. Он кивнул. Поезд, значит, ушёл. Я ничего не ответил. Неприятно, сказал он без сочувствия. Придётся ждать следующий. Он взял паспорт, постучал им о стол, будто выравнивая страницы, и наконец протянул мне. Я взял. И ещё, окликнул он меня. Я обернулся. Он смотрел прямо в глаза: В дороге... лучше лишнего не говорить. Ни с кем. Пауза. Даже с хорошими людьми. Я кивнул. Вышел в коридор. Там было всё так же шум, шаги, голоса. Но что-то уже изменилось.

Глава 8

Я вышел на перрон. Поезда не было. Только рельсы, уходящие вдаль. И ощущение, что меня только что... не просто

проверили. А запомнили. «Вот это поворот», подумал я. История дала мне лёгкий щелчок по носу, чтобы я не отвлекался от возложенной на меня миссии. Я прошёл к начальнику вокзала и получил билет на следующий поезд. Он мне сообщил, что мой чемодан будет в отделении милиции на станции Кавказская. Мне предстояло около часа болтаться на вокзале. Меня посадили в общий вагон, но я этому был рад. Вагон был шумным: люди, в основном местные, друг друга знали и громко обсуждали события, перебивая друг друга и смеясь. Я улёгся на вторую полку и, от досады на себя, быстро уснул. Проснулся в обед. Присев за освободившийся столик, хотел поесть, но настроения не было, и я пошёл в вагон-ресторан. Я зашёл в вагон-ресторан. Пахло горячими котлетами, варёной картошкой и крепким чаем, смешанным с лёгкой ноткой табака. Столики были обиты красным линолеумом, покрытым царапинами и пятнами, за которыми прятались истории прошлых пассажиров. За барной стойкой стояла проводница в тёмно-синем платье с белым воротничком, её волосы аккуратно закручены в пучок, а глаза внимательные, наблюдающие за каждым. В вагоне сидели разные люди: кто-то играл в карты, кто-то тихо разговаривал. Мужики в кепках обсуждали урожай и новые цены на зерно, женщины шептались о соседских детях, словно боясь, что их могут услышать. Иногда в разговоре звучало осторожное упоминание о последних новостях из Москвы, но никто не говорил прямо только намёками. Я присел за свободный сто-

лик, заказал чашку крепкого чёрного чая и тарелку с картофельным пюре и котлетой. Пахло так, что сразу захотелось есть. Я взял ложку, но мысли снова вернулись к утренней потасовке и милиции. Словно эти события оставили на мне невидимый отпечаток, который никуда не исчезал. Рядом за соседним столиком мужчины обсуждали строительство новой фабрики. Их речь была быстрой, но осторожной, каждое слово взвешивалось: «говорят, на стройке нового цеха будут работать больше людей... но это, конечно, слухи». Женщина, прислушиваясь к их разговору, кивала головой, как бы подтверждая, что она «в курсе», но добавляла свои комментарии тихо, почти шёпотом. Я пил коньяк и слушал, как вагон слегка покачивался на рельсах. Сквозь шум слышались мелкие крики детей, стук посуды, свист проходящего паровоза на встречном пути. Всё было живым и привычным, но в то же время странно чужим. Я снова вспомнил Михаила, Ирину, Наину... и ощущение, что моя миссия только начинается, стало сильнее. В вагон идти не хотелось, да и алкоголь уже мутил сознание, когда ко мне подсел парень. – Не занято? спросил он тоже нетрезвым голосом. Я осмотрел вагон-ресторан – он был пуст. Потом посмотрел на лицо парня: нос картошкой, белорус. Вы белорус? спросил я, как бы невзначай. А что вы имеете против белорусов? икая, ответил он. Я натянуто улыбнулся: Да всю картошку съели. И мы расхохотались. Анатолий, представился он. Мы познакомились. Он оказался свободным художником, но пил коньяк.

Вот такие люди жили в СССР. Не хочу идти в вагон, тем более в общий, посетовал я. Да, согласился он. У нас всё общее в СССР. Мы выпили за это. Куда едешь? спросил он, отпив я своего стакана лимонада. К морю, ответил я грустно. Представляешь, у меня чемодан уехал к морю без меня, пожаловался я. Он озадаченно посмотрел на меня, потом на стакан, и махнул официантке. Нам принесли лимонад, и я попросил закуски, потому что горячее уже не подавали. Как уехал чемодан? спросил он, узрившись на меня. Я рассказал ему всю историю с вокзала. Он пожал мне руку: Ты настоящий комсомолец, сказал он горячо. Хочешь ко мне в вагон? У нас есть место свободное. Хорошо, согласился я. Собирайся, сказал он, вставая. Я встал, огляделся. Нам, беднякам, собраться что подпоясаться, сказал я ухмыляясь. Мы вошли в его вагон. Пространство было тесное, но уютное: на полках стояли скрученные холсты, несколько небольших карандашных рисунков приколочены к стене, рядом лежали книги о живописи и литературе. В воздухе висел лёгкий запах коньяка, смешанный с запахом старого дерева и краски. Садись, сказал Анатолий, ставя передо мной ещё один стакан лимонада. Я знаю, что горячее здесь уже не подают. Но нам хватит закуски. Он достал из сумки хлеб, колбасу, солёные огурцы, и мы устроились напротив друг друга. Вот так и живём, продолжал он, глядя в пустое окно, в СССР каждый ищет свои удовольствия. Кто книги читает, кто коньяк пьёт, кто рисует. Я взял кусок хлеба и задумался. Всё это казалось странным:

свобода художника в условиях, где всё общее, где всё под контролем, где каждый шаг может быть замечен и оценён. А рисуете много? спросил я. В основном по ночам, усмехнулся он. Днём следят. А ещё иногда приходится скрывать... Он махнул рукой, как бы намекая, что «всё своё скрывать это правило». Я слушал его и смотрел на рисунки: портреты, пейзажи, эскизы скромных интерьеров. Всё было живое, честное, с ощущением дыхания автора. Вот так мы и существуем, сказал он. Кто-то живёт по правилам, кто-то ищет свои пути. Иногда вместе смешиваемся, иногда друг от друга прячемся. Мы выпили ещё по стакану лимонада, закусили, и разговор постепенно перешёл на поездку. А куда ты направляешься? спросил он. К морю, ответил я. Красота... сказал Анатолий и снова посмотрел в окно. Но чемодан твой уже уехал, понял я. Вот так и бывает: вещи едут сами, а человек отдельно. Я улыбнулся, и в этом моменте ощущение странной свободы художника показалось мне притягательным. Здесь, среди холстов, рисунков и тихого вагонного шума, можно было забыть про милицию, поезд и даже про всё, что ждало меня за пределами этого купе. Знаешь, сказал он, наклоняясь ко мне, иногда лучше просто пить коньяк, рисовать и смотреть в окно. Всё остальное придумывают люди сверху. Я кивнул и снова посмотрел на его рисунки. Внутри вагон был почти тихим, лишь слышался стук колёс, смешанный с разговорами из соседних купе. Мир на время стал проще. Не рассчитав дозу алкоголя в новом теле, я тут же уснул.

Но ночью меня стали будить толкали и терли уши. Всё было тщетно, и я продолжал спать, пока поезд не поехал дальше. Рано утром нас разбудили. Пришёл милиционер и потребовал у меня расписку о принятии вещей, то есть чемодана. Он козырял Анатолию и, как будто побаиваясь его, делал это демонстративно. Я открыл чемодан, посмотрел на вещи в бумажных пакетах: Да, всё на месте, сказал я, написал расписку о получении чемодана. Бросив чемодан на верхнюю полку, я спросил: А ты кто такой, Анатолий? Он ухмыльнулся: Я тот, кто картошку съел, произнёс он, смеясь. Поедешь со мной к морю, а то мне носильщик нужен: с меня крыша над головой и девушки. А, вот как, сказал я. Конечно, поеду. Поезд стоял на перроне Туапсе, поэтому умываться не пришлось. Перебив запах перегара лаврушкой, мы вышли на перрон, гружённые поклажей художника. На выходе из вокзала нас уже ждала машина, и, загрузившись, мы поехали. Машина доставила нас в вполне благопристойный дом на берегу моря. Мы выгрузились. Куда это я попал? спросил я у Анатолия. Так, домик у моря, ответил он неопределённо. Мы вошли в дом. Я занял предложенную мне спальню и распаковал вещи. Мы вошли в дом. Внутри пахло морской солью, свежим хлебом и лёгкой терпкой тягучей краской: Анатолий успел разложить свои материалы. Стены были простые, белёные, но на каждой полке стояли небольшие скульптуры, глиняные фигурки, карандашные наброски. На столе лежали кисти, тюбики с красками и пустые бутылки из-под ви-

на, словно подтверждая, что здесь живут творческие люди. Смотри, сказал Анатолий, махнув рукой, тут всё моё. Рисую, пью, думаю. Он уселся на диван, сплетая руки за головой. Вроде и свобода, а вроде... всё равно на всякий случай смотришь, кто зайдёт. Я осмотрел комнату. На подоконнике стояли полупустые банки с вареньем, а рядом старый радиоприёмник, тихо шуршащий советскими песнями. За окном море бликовало на солнце, лёгкий ветер колышет листья деревьев во дворе. Ну и как тебе новая жизнь? спросил Анатолий, не поднимая глаз. Здесь проще, чем в поездах и вокзалах, да? Я кивнул. Зато честнее, добавил он с усмешкой. Каждый за себя, каждый со своими слабостями. Я сел рядом, поставив стакан с лимонадом на стол. Знаешь, сказал я, поезда, милиция, чемоданы всё это оставляет след в голове. А здесь... я махнул рукой на дом и море, кажется, можно забыть о тревогах. Он кивнул. Тут, в тишине, понимаешь, кто ты и что тебе важно. Он снова усмехнулся, подмигнув. Я вот, например, свободный художник, а ты... комсомолец, да? И всё равно мы можем сидеть здесь, пить, говорить, смеяться. Мы молчали несколько минут, слушая как тихо шумят волны и лёгкий ветер сквозь открытые окна. Море казалось огромным, почти безбрежным. Я смотрел на горизонт и думал, что ещё вчера всё было иначе поезд, вокзал, милиция, потасовка, алкоголь. А теперь тихий дом, свои правила, свои запахи, и почти настоящая свобода.

Глава 9

Ну что, сказал Анатолий, завтра будем рисовать, может, прогуляемся по берегу. Море вдохновляет. Он улыбнулся, откинулся на спинку дивана и отпил лимонад. А пока отдыхай, набирайся сил. Я улыбнулся в ответ, чувствуя лёгкость, которая редко приходила в последние дни. Внутри меня словно переставляли детали: тревога всё ещё была, но страх остался где-то далеко, на перроне, в поезде, с милицией. Здесь, у моря, было место, где можно просто быть человеком. Переодевшись, я вышел. Анатолий с усмешкой посмотрел на меня: Это вот так одевается пролетариат? спросил он. Я был в простых коричневых брюках, тенiske и штиблетах. Да вот, в Гуме прибарахлился, ответил я. Нет, сказал он твёрдо, наши так не ходят. Нас пригласили завтракать. Мы сели за стол и выпили вина. Стало легче. Ты молодец, похвалил меня Анатолий. Есть в тебе стержень, и не похож ты на нашу молодёжь и комсомольцев, это хорошо. Я отпил вина и, не боясь разоблачения, посмотрел ему в глаза. Знаешь, Толян, люди они разные бывают, и хлопнул его по плечу. Он был явно непростым парнем, но я не хотел его спрашивать. Пачку денег при расчёте в вагон-ресторане он тоже заметил и считал меня тоже непростым. Ну ладно, один на один, подумал я. Допив своё вино, я предложил: Давай к морю. Не поверишь, ни разу не купался в Чёрном море, и встал. А в каком море купался? спросил он, вставая. В Средиземном, ответил я на автомате и пошёл побыстрее, чтобы избежать расспросов. Выйдя во двор, я всё же не избе-

жал разговора. Ты был в Болгарии? спросил он, прищурюсь. Мелко берёшь, ответил я, желая его запутать. Ого-го! произнёс он восхищённо, осматривая меня с ног до головы. Ему было невдомёк, что перед ним российский офицер из будущего, который один раз только съездил на море в Турцию, в Кемер. Но я не стал вдаваться в подробности и произнёс: Был у греков. Отлично! восхищённо сказал он. Я определился для него как человек своего полёта. А почему ты не спрашиваешь, где я был? спросил он, забежая передо мной. А зачем? ответил я вопросом на вопрос. Ты как еврей, удивился он. Но это и хорошо, это отличает тебя от остальных. Пьёшь коньяк, дерёшься на вокзале, не боишься за свои вещи, едешь куда хочешь ты свободнее меня в своих желаниях, сказал он, и мы, сев в машину, поехали к морю. Я вышел на берег. Пляж был узкий, но просторный для наших глаз песок тёплый, серо-золотистый, с мелкими ракушками и обломками морских водорослей, привезённых приливом. Волны неспешно катились к берегу, тихо шурша и разбиваясь о камни. Море бликовало под солнцем, то синеватое, то серебристое, словно рассыпанные монеты, отражающие свет. Ветер был свежий, солёный, с лёгким запахом хвои и влажной глины, которую приносил с собой прибой. Небо было ясное, голубое, и лишь редкие облака медленно плыли над горизонтом. На песке здесь и там лежали выброшенные морем водоросли, а среди них маленькие камушки, гладко отполированные водой. На пляже можно было увидеть людей: кто-

то шёл вдоль берега, разглядывая ракушки, кто-то сидел на простых одеялах, тихо разговаривая или отдыхая. Дети смеялись и строили маленькие замки из песка. Рыбаки стояли у воды с удочками, осторожно закидывая леску. Атмосфера была медленной, спокойной, почти сонной совсем другая, чем шум вокзалов и поездов, где ещё вчера я провёл ночь. Я подошёл к воде, и волна нежно омыла мои ноги, холодная и мягкая одновременно. Солёная вода щекотала кожу, оставляя лёгкое ощущение свежести и силы. Море было прозрачным возле берега, и можно было увидеть мелкие камешки на дне, а дальше оно становилось тёмным, почти синим. Вдали виднелись скалы, покрытые редкой зелёной растительностью, и крошечные лодки, качающиеся на лёгком волнении. Я вдохнул глубоко: солёный воздух, запах водорослей, лёгкая прохлада на коже всё это делало утро особенным. Здесь не было спешки, контроля, опасности. Только я, море и солнце, сливающиеся в одно чувство свободы, пусть пока тихой и хрупкой, но настоящей. Как тебе Чёрное море? спросил Анатолий и шагнул в воду. Как-то скучно здесь, сказал я и вошёл вслед за ним. Да куда нам до Греции, произнёс он, догоняя меня. Мы поплыли по волнам. Он отставал, поныряв и глотнув немного солёной воды, и мы шумно вышли на берег. Вода в сентябре была тёплой бархатный сезон. Выйдя на берег, мы обтерлись и поехали домой. Потом он повёз меня к знакомому фарцовщику Феде, потому что ему не нравился мой вид. Как ты в загранку ездил с такими вещами? изум-

лялся он. Да раздарил все вещи, отмахнулся я. В квартире, куда он привёз меня, был целый склад. Я купил себе костюм на вечер, костюм летный, пару джинсов и рубашек с туфлями летними и классическими. Купил также кепку с очками. Чем будете расплачиваться? насмешливо спросил Федя. Когда я вытащил пачку долларов, он остолбенел и посмотрел на Анатолия. Толян тоже был удивлён. Рассчитавшись с Фёдей, я спросил: Есть приёмник на батарейках?

Он вытащил из шкафа ярко-зелёный прибор Mantone Boy's. Вот, произнёс он торжественно, только для тебя и за эти зелёные. Я посмотрел на примитивный для меня и прогрессивный для того времени звуковоспроизводящий прибор.

Беру, произнёс я буднично. Рассчитавшись, мы, гружённые поклажей, вышли.

Ну ты удивляешь меня, Пашкец, произнёс Анатолий. Какой-то подпольный миллионер. Да, мы такие комсомольцы, ответил я браво.

Глава 10

Вернувшись домой, я разложил вещи и, облачившись в германский костюм, пошли с Анатолием в ресторан. Мы вошли в ресторан. Деревянные полы слегка скрипели под ногами, а запах жареного мяса, свежего хлеба и крепкого чая

наполнял воздух. Свет ламп был мягкий, желтоватый, отражался от полированного дерева столов и стульев. В углу тихо урчал старый радиоприёмник, издавая приглушённые мелодии советских песен. Рядом за соседними столиками сидели люди в простых костюмах и платьях, кто-то делился новостями с работы, кто-то шептал про цены и дефицит. Разговоры вели осторожно, каждое слово взвешивалось политика чувствовалась даже в тоне, но напрямую её обсуждать никто не смел. Люди смеялись, но смех был приглушённым, словно опасались, что его услышат не те. Мы с Анатолием сели за один из столов. Официантка в тёмно-синем платье с белым воротничком принесла меню, обернутое в липкую от времени обложку. Что будете? спросила она, стараясь улыбнуться. Столовать себя, сказал Анатолий с улыбкой, а ты как? То же самое, ответил я. Мы заказали суп, котлеты с картофельным пюре и бутылку вина. Вино наливалось медленно, густо, чуть сладковатое. Я отпил и почувствовал, как тепло разливается по телу день был длинным, море, поезд, покупки, новая жизнь. Знаешь, сказал Анатолий тихо, вот здесь, среди людей, понимаешь, кто чего стоит. Кто смелый, кто осторожный. Он посмотрел на меня с интересом. А ты, Паша... не простой парень. Я улыбнулся, не раскрывая всех тайн, которые не хотел обсуждать. Всё вокруг казалось живым: звон вилок о тарелки, тихие шепоты, смешки, запахи еды и вина. Это было другое чувство свободы медленное, осторожное, но настоящее. Че то меня вино не берет. Но помутнен-

ный алкоголем разум уже воспринимал мир по другому. Я подозвал официанта и заказал бутылку армянского коньяка . мясную нарезку и шашлык . Вот о чем я говорил произнес Анатолий есть в тебе размах. Мы ели, наблюдали за окружающими, а разговор постепенно перешёл на лёгкие темы море, поездки, живопись, покупки. Всё это казалось одновременно обычным и необычным: жизнь шла своим чередом, но каждый момент имел оттенок тревоги и одновременно радости, которой не хватало в поезде и на вокзале. Оглядев зал, я обратил внимание на группу девушек в глубине зала. Подозвав официанта, я отправил им бутылку шампанского. Получив её, девушки зашептались, поглядывая на нас. Коньяк дошёл ещё куда надо, и меня понесло. Остановись, тормозил меня Анатолий, мы пришли просто перекусить. Щас я перекушу кого надо, ответил я и, увернувшись от его руки, подошёл к столику с девушками. Разрешите представиться, произнёс я шутливо, поручик Ржевский. Девушки засмеялись. В эту эпоху явно поручик Ржевский был неизвестен. Что молодцеваты вы для поручика, произнесла одна из девушек со смехом. Да мы гусары такие, ответил я браво. Они снова рассмеялись. Разрешите украсить ваш стол своим присутствием? спросил я, щёлкнув каблуком, чем привёл девушек в восторг. Они подвинули стулья, которые скрежетали по кафелю. Официант тут же услужливо поднёс стул. Я сунул ему в карман рубль, что вызвало у девушек неоднозначные эмоции. На столе стояла бутылка шампанского, препод-

несённая мной, сырная нарезка и пустые тарелки от какой-то еды. Может, барана целиком? предложил я, размахивая рукой. Подбежал официант, а девушки испуганно затихли, переглядываясь. Братец, сказал я официанту, мне закуску с моего стола перенесите сюда и того дипломата тоже, указал я на Анатолия. А что ваш друг дипломат? спросили девушки, уловив сказанное. Видно, дипломаты девушкам нравились больше, чем поручики. Когда закуску начали переносить за наш столик, Анатолию пришлось присесть к нам. Это Анатолий, представил я его. Художник. Ооо! изумились девушки. Художники им тоже нравились. Когда наш стол был сервирован, я заказал ещё вина и фруктов. Разговор заструился непринуждённо, как и бывает среди молодых незнакомых людей. Как оказалось, они отдыхали на юге, наслаждаясь последними тёплыми днями. Они отдыхали в местной здравнице устали от однообразной столовской еды и после сельхозработ решили выбраться на неделю к морю. К тому моменту они были там уже третий день. Я пригласил их на пленэр попозировать нашему художнику.

Глава 11

Во время разговора определились кандидатки: Люся и Маша согласились не только на съемку, но и посмотреть наш домик. Когда ужин закончился, мы вдоволь натанцевались, попрощались с остальными девушками и поехали к нам. Куда ты их тащишь? тихо, почти сквозь зубы, бросил мне Анатолий. У меня же жена... Не переживай, отмахнулся я. Ап-

петит приходит во время еды. Наш дом произвел на девушек сильное впечатление они с любопытством разглядывали комнаты, мебель, детали интерьера. Выбрав момент, я повел Люсю показать свои апартаменты. Стройная рыжеволосая девушка, разгоряченная вином и общим весельем, смеялась и шутила. Но когда мы остались вдвоем, её настроение изменилось. Она отстранилась, стала серьезнее. Я не такая, сказала она, мягко, но уверенно, давая понять, что не готова к продолжению в том направлении, на которое я рассчитывал. Я замолчал. В комнате повисла пауза, и стало ясно вечер может повернуть совсем иначе, чем я себе представлял. Чтобы сгладить паузу я рассказал анекдот : Едут в поезде Наташа и поручик. Наташа вздыхает, смотрит в окно, потом на поручика: Поручик, скажите, а вы верите в любовь с первого взгляда? Верю, Наташа. Правда? Конечно... но предпочитаю взглянуть ещё разок на всякий случай. Люся немного оттаяла. А ты женат спросила она вдруг. Нет ответил я не задумываясь. А Анатолий спросила она смотря на меня с пристрастием. На ее вопрос я ответил очередным анекдотом : Муж приходит домой под утро. Жена: Где был?! У друга ночевал. Жена молча достаёт телефон, звонит: Привет, он у тебя был? Нет. Второй звонок: Был? Нет. Третий: Был? Конечно был, и сейчас сидит рядом, хочешь дам трубку? Я подошел к ней ближе. Так значит ты относишься к третьей группе спросила она обдав меня перегаром. Да мне нравится число три сказал я касаясь ее руки . Она отодвинула ру-

ку . Расскажи лучше еще анекдот попросили она. Я и рассказал :Ржевский учит молодого офицера этикету: Когда вы подаете даме цветы, никогда не выбирайте слишком мелкие. Иначе она подумает, что вы бедны. А если большие? Тогда она подумает, что вы безумны, но это лучше, чем беден. Люся рассмеялась . А вы дарите девушкам цветы спросила она затаившись. Понимая , что девушка не проста я решил идти в банк . Знаете Люся произнес я откровенно я люблю дарить цветы девушкам. Но в этом году такой чести ни кто не удостоился. А я могу дарить не только цветы. Она кокетливо покачала головой а что вы еще дарите спросила она улыбаясь. Я снова погладил ее по руке и произнес я могу подарить свое сердце. Она отвела свою руку. Я отошел от нее и открыл шкаф . Достав Джинсы бросил их на кровать. Увидев их девушка подошла и взяв их в руки произнесла с придыханием настоящие монетана. Она сжимала их руками как будто боялась , что их отнимут. Хочешь примерить спросил я .Подходя к ней ближе. Она обернулась ко мне вытаращив глаза . А можно произнесла радостно она и расстегнула пуговицу своих брюк. Заглянув мне в глаза она остановилась. Отвернись произнесла она почти шепотом . Нет ответил я твердо и подошел вплотную прижав ее к кровати. Когда ее грудь коснулась моей . Она подняла голову приготовив губы для поцелуя. Я не заставил ее долго ждать. Наши губы слились в жарком поцелуе. Тело ее обмякло и я повалил ее на постель. Закрой дверь шептала она мне сквозь поцелуй .

Закрывто отвечал я ей стягивая штаны. Когда мой член проник в нее я уже не стал торопиться и стал спокойно раздевать ее. Она улыбалась чему то своему . Я встал закрыл дверь и стал раздеваться любуясь ею. А ты обманщик произнесла она притворно сдвигая бровки. Оставшись голым встал перед нею. И бесстыжий произнесла она в вдогонку. Присев на кровать я стянул с нее брюки и снял всю одежду. При свете люстры ее белоснежное тело покрытое мелкими крапинками канапушек как будто мерцало. Взяв в ладонь ее маленькую грудь я поиграл розовым соском. Ты наверное тоже художник томно произнесла она . Я поцеловал ее в губы и лег на нее. Она раздвинула ноги и легко впустила в себя. О боже как это было прекрасно. Это мой первый секс в этом теле. Но ум то оставался прежним . Поэтому я выплеснул свою страсть ей на животик. Нависнув над ее грудью пульсирующим членом я произнес лучший мой подарочек это ты. Она закрыла глаза и улыбнувшись произнесла , а ты опытный мужчина. Встав я обтерся полотенцем . В это время она облачилась в мои джинсы которые были еще с этикеткой. Они были ей в пору только длинноваты . Но она ловко закатила их концы и мечтательно улыбалась . Девчонки обзавидуются произнесла она восторженно. Затем быстро сняла их оставшись голой и повернувшись стала искать свои трусы. Ее кругленькая попка привлекла мое молодое тело и я обхватив руками ее бедра прижал к себе. Ну подожди взмолилась она у нас вся ночь впереди произнесла она обещающе. Но я все ров-

но вошел в нее. Она обреченно опустила голову на кровать . Но я вышел из нее и стал одеваться . Она удивленно обернулась рассматривая меня. Да ты непростой мальчик произнесла она удивляясь . И ты не простая девочка подумал я . И дождавшись когда она приведет себя в порядок открыл дверь .

Глава 12

Анатолий показывал Маше свои наброски. Где вы пропадали обиженно сказала Маша . Анатолий демонстративно не отрывался от своих картин. Я взял его под руку и произнес ты куда дел вино и увел его из комнаты, Ты что творишь шипел он на меня . Утащив его в другую комнату я произнес все будет хорошо не дрейфь . Сейчас девчонки поговорят и все будет хорошо. Что хорошо возмущался он . Но по глазам было видно он хотел что бы все решилось . Мы дали время девушкам пошептаться и вошли в комнату . Маша была уже другой . Она улыбалась и уже ни куда не торопилась . Мы пошли на кухню пить чай . Оставив Машу хозяйничать на кухне я снова уволок Люсю в спальню. Она шутливо отбивалась ладошками и смеялась уже не стесняясь . Маша тоже хочет такие джинсы произнесла сквозь смех она . Я подошел к шкафу и достав джинсы в пакете бросил их на кровать. Люся склонилась к ним и прочитала Левис . Я тоже хочу такие взмолилась она сложив ручки в мольбе. Взглянув ей в глаза я подошел к ней . Мой извращенный ум в старом сознании действовал на автомате. Опустив ее на колени я расстегнул

ширинку. Да она была девушкой непростой поэтому все сделала как надо. Или все женщины такие когда видят предмет своего желания. Дав ей время потерзать его у себя во рту я отодвинулся. Тебе понравилось спросила она вытирая губы ладонью. Ты была изумительна похвалил я ее . Она подняв свою самооценку торжествуя улыбнулась. Я скажу Маше что у нее тоже будут джинсы спросила кокетливо она . Я качнул головой и добавил если только Толян будет доволен. Она прижалась ко мне поверь он очень будет доволен произнесла она шепотом. Мы вернулись на кухню. Маша сидела как на иголках ожидая результата переговоров. Их взгляды пересеклись и они поняли друг друга. Маша как бы невзначай прикоснулась к плечу Толяна . Где же чай спросила она игриво и ты обещал нарисовать меня помнишь . Анатолий удивился переменчивости девушки но поймав мой взгляд тоже понял что решение принято. Я не стал мешать им пить чай и забрав бутылку вина повел Люсю к морю. Мы спустились к пляжу по узкой тропинке, и это было не больше пяти минут, но казалось, что мы идём сквозь вечность. Ветер играл с нашими волосами, доносил тепло уходящего дня и запах соли с моря, нежно обнимая кожу. Мы шли, сжимая руки друг друга, и это прикосновение казалось единственным якорем в этом мгновении. А ты где живёшь? тихо спросила Люся. В темноте её взгляд был почти невидим, но голос таил в себе любопытство, которое немного тревожило меня. В Астрахани, сказал я, не обманывая. Носитель моего тела действи-

тельно был оттуда, и правда звучала спокойно. Когда мы подошли к берегу, молчание решило за нас: без слов мы разделись и шагнули в море. Вода была тёплой, словно нежная ткань, обволакивающая тело, и каждый её всплеск играл на коже. Солёная вода попадала в рот и волосы, но смех и лёгкость, что разливались между нами, перебивали всё остальное. Мы дурачились в волнах, прыгали и ныряли, почти не видя лиц друг друга, лишь глаза блестели в лунном свете зеркала радости и свободы. Луна отражалась в воде, волны тихо шептали, и казалось, что весь мир замер, оставив нас одних с этой ночью, со смехом и солёным воздухом, который мы втягивали полной грудью. Вдоволь накупавшись, мы вернулись домой. На кухне никого не было, и мы направились в спальню. Люся аккуратно убрала джинсы в шкаф и разделась. Она была прекрасна и молода, и в её движениях чувствовалась лёгкость и естественность, которой мне так не хватало в прошлой жизни. Вспоминая свою историю, я понимал, как мало настоящего оставалось после трёх лет с женой и бесчисленных случайных связей. Быстрые интрижки, чужие жёны, воспоминания, которые растворялись сразу после встречи. Всё это казалось пустым, почти несуществующим. А здесь, с Люсей, было иначе. В её присутствии всё казалось новым, как будто открывалась дверь в другую жизнь, где можно быть честным с собой, где каждое мгновение наполнено смыслом. Может, это и есть то, к чему я стремился, подумал я, ложась на кровать, ощущая, как прошлое тихо растворя-

ется в тепле комнаты, а будущее вдруг стало осязаемым, как свет луны, мягко скользящий по стенам. Обняв её и только призадумавшись о том, как прекрасно было это утро, мы услышали стук в дверь. Паша, вставай, проспим рассвет! донёсся голос сквозь сон. Я открыл глаза и осторожно растормошил Люсю. Вставай, надо идти. Нет . хныкнула она, я хочу спать. Встаём! повторил я приказным тоном. Одевшись, мы вышли. Анатолий нагрузил меня мольбертом, и мы пошли. По дороге я прихватил бутылку коньяка и весело помахал ей перед глазами девушек, догоняя Толяна. Девушки поморщились при виде спиртного. Голова не болела, но хотелось спать. Мы прошли километр, и девушки начали ныть: «Куда так далеко? Зачем туда идти?» Но вот Толя дошёл до своей точки и расставил оборудование, а мы упали в тень раскидистого дерева. Я открыл коньяк и сделал глоток, поморщившись. Люся тоже пригубила, а Маша, увидев нас повеселевшими, не удержалась и тоже попробовала. Настроение поднялось, солнце уже поднималось над морем, а Толя корпел над холстом. Трава была колючей и полна живности, которая перебиралась по нашим телам, но после третьего глотка всё стало мягко и приятно. Мы уснули, убаюканные теплом и шумом моря. Разбудил нас Толя: Пора вставать! кричал он, собирая инвентарь. Мы, как выучные лошади, потащились домой. А там нас ждал обед: дородная тётка накрыла стол и удалилась. Мы набросились на еду, сытые и довольные, а Толя, поев, лёг спать, и мы последовали за ним.

Глава 13

Я проснулся, отдохнувший и лёгкий, и рядом тихо сопела Люся. Её дыхание было ровным, мирным, а кожа под утренним светом казалась почти прозрачной. Осторожно скинув с неё простынь, я любовался её молодым телом такой свежей, живой и естественной. В этот момент всё вокруг казалось новым: воздух, солнце, лёгкий шум за окном, и я ощущал, как каждый вдох наполняет меня энергией новой жизни. Не раздумывая, я приблизился к ней, и наши тела слились в страстном, но нежном объятии. Всё внутри меня откликалось на её тепло, на мягкость её кожи, на ритм дыхания. Сквозь это мгновение, сквозь лёгкую дрожь и смех, я услышал её тихий, игривый шёпот: Ты обещал мне джинсы... Эти слова, полные лёгкой насмешки и доверия, заставили меня улыбнуться. Они были маленьким мостиком между нами, между прошлым и тем, что начиналось сейчас между привычным и новым, настоящим ощущением жизни, в котором каждый момент был ценен. Мы вышли на кухню, хлебнули чаю и по рюмке коньяка. Толя рисовал, и я не хотел ему мешать. Мы съездим к Феде? спросил я Толю. Он кивнул. Выйдя из дома, чтобы не палить хату, я снял мерки с Маши и купил ещё одни джинсы «Мантана». По дороге мы узнали, что на городской площадке будут танцы. С этой новостью мы вернулись домой, спрятали джинсы в шкаф и отправились на пляж. Море было тёплым, по берегу продавали раков и холодное пиво. Мы не удержались и выпили по кружке. Настроение подня-

лось. Раки кололи губы и язык, но голод не утоляли, поэтому мы купили рыбы и наконец насытились. Так, с запахом копчёной рыбы, мы вернулись домой. Толя спал, и мы не стали его будить. Когда мы поели и немного отдохнули, я тихонько подошёл к Толе: Пойдёшь на танцы? Он лишь отмахнулся, и мы пошли втроём. Уже было темно, и мы шли на звук музыки и света. Танцы были потрясающими. Мы пронесли с собой небольшую бутылку коньяка, подогревая настроение армянским спиртным, и весело смеялись. Кружась, я заметил, как Маша случайно коснулась меня этот момент отложился в голове. Проходя мимо, я тоже невзначай отвечал ей взаимностью. Мы танцевали до последнего звука местного ВИА. На выходе нас никто не остановил, и мы спокойно вернулись домой. Достав из холодильника колбасу и закуску, устроили небольшой пир с коньяком. Танцевали дальше под пластинки, обнимаясь и целуясь, наслаждаясь музыкой, весельем и опьянением. Анатолий был занят, и мы не мешали ему. Когда устали окончательно, легли спать втроём, и сразу вырубались. Наутро нас разбудила головная боль и неприятный запах перегара. Я вышел на кухню, нашёл вино и похмелился. Вышел Толя с красными от недосыпа глазами: Ну ты и жеребец! произнёс он восхищённо. Я не стал его разубеждать. Допив вино, я пошёл будить девчонок. Они ещё спали, вещи были разбросаны по комнате, и воздух был наполнен запахом прошлой ночи. Почему то попа машини смотрела на меня . побудив во мне вчерашнюю страсть . Приняв

это как приглашение я разделся и прилег рядом . Сердце колотилось и меня бросило в жар. Не желая спугнуть удачу я не снимая ее трусиком проник в нее. Мокрая щелка легко приняла меня в себя. От ощущения новизны и предчувствия опасности меня накрыло возбуждением и я быстро кончил в нее. И как будто по сигналу проснулась Люся . Обдав меня палящим от возмущения взглядом. Она крикнула подлец ты что делаешь . А ты сучка кинулась она на спящую подругу хватая ее за волосы. Ни чего не понимая Маша заревела от боли и от обиды . Но потом остервенело стала отбиваться . Началась потасовка. На шум прибежал Толя с испуганными и удивленными глазами он увидел голого меня и дерущихся девушек. Девушки хлестали ладошками друг друга пока не устали. Потом стали браниться . Я сел на стул и наслаждался боем. Окончательно устав, девушки наскоро оделись и ушли. Их крики и брани ещё долго слышались по улице. Наверное, нам пора... сказал удручённо Толя. Ты закончил? спросил я спокойно. Он ухмыльнулся.

Да... ты жеребец, сказал он восхищённо. Мы поспешно собрали вещи и, сев в машину, поехали в Сочи. Как только наше пристанище скрылось из виду, Толя спросил: А ты зачем ходил к Феде? Я расхохотался: Да вот, джинсы прикупил, ответил ему сквозь смех. По дороге заехали в придорожное кафе и поели шашлыка. Я хлебнул пива и сел за руль. Ты чего? удивился Толя. Согнал меня с руля? Пьяным за

руль нельзя! Расслабься, ответил я, и он сел рядом, порулив дальше. Остановились уже в темноте. Домик был на окраине Сочи, что меня не радовало: я, разбалованный цивилизацией, хотел поближе к людям, а Толя, творческий, тянул к природе. Дом был прекрасен, утопал в зелени, напоминал правительственную дачу с охраной и прислугой. Я разместился в большой комнате. Что, девушек не водить? спросил я. Нет, отрезал Анатолий. Я не стал спорить, хотя, в принципе, мог позволить себе отель. Но это всё же СССР: здесь ты букашка, а с деньгами всё равно какашка. Поважут и отберут. Поэтому я согласился на общество Толяна с его пленэрами.

Глава 14

Как только он прилёг вздремнуть, я сел в машину и укатил в город. Подъехав к ЖД-вокзалу, припарковался и подошёл к таксистам. Товарищ, произнёс я пронзительно, отвези меня в лучший ресторан города. Таксист кивнул понимающе. А не скажешь, как пройти внутрь? спросил я молчаливого шофёра. Он улыбнулся: В «Лазурный» не всякого пускают, но деньги решают всё. Я понял, что иностранца пустят везде, а я в германском костюме, кепке и очках выглядел «своим». Машина остановилась у входа, рассчитавшись с водилой. Я прямо пошёл к внушительной овальной двери ресторана: Hi, do you do? произнёс я на английском. Швейцар у двери замер. White? спросил я, делая шаг к нему. От моей наглости он быстро открыл дверь и впустил меня в «святая святых». Махнув рукой, он позвал официанта. Чего желаете? спросил

тот, заглядывая мне в глаза. Русская водка и икра, сказал я с жутким акцентом. Официант улыбнулся и проводил меня к столику. Мне принесли меню. Я пролистал буклет и непонимающе спросил: White? Официант поморщил лоб, потом сообразил: Сделаю в лучшем виде. Через несколько минут на столе появились разнообразные закуски и холодный графин водки. Я достал десять долларов и положил их в салфетку. Официант провожал это взглядом. Русская девушка, хорошо, сказал я, и официант тут же взял салфетку, кланяясь. Я выпил обжигающую рюмку: холодная струя прокатилась по внутренностям, и я приятно улыбнулся. Запели цыгане, подошли к столу, но я демонстративно кинул им десятку, и они ушли. Официант налил ещё одну стопку и указал в сторону. Я повернулся: за столиком сидела девушка. Не особенно эффектная, но аккуратная. Я, от досады, наступил официанту на ногу, он стиснул зубы, но стерпел. Хорошая русская девушка, прошипел я и отпустил ногу. Я выпил ещё рюмку. Краски стали ярче а, женщины красивее. От спиртного захотелось есть, и я намазал на хлеб икру, закрыл глаза и наслаждался вкусом. Когда открыл глаза, передо мной стояла красивая молодая женщина, женственная, излучающая тепло. Hallo you! произнёс я восторженно. Окей, ответила она, усаживаясь рядом. Where are you from? спросил я, глядя её руку. Она натянуто улыбнулась и сказала: Russian, Russian. Я махнул официанту, и он подал ей меню, но она его даже не взяла. Мне как всегда сказала она ему. Ей принесли шампанское и

фрукты. Наверное, берегла фигуру, подумал я. Оо, yes, fruit, gut-gut, произнёс я, наблюдая за ней. Гармони, сказал я многозначительно, окидывая взглядом. Она слегка покраснела. В эту эпоху я уже начал подозревать: валютная проститутка или агент КГБ? Мысли о том, что меня могут «повязать», не давали покоя. А я водитель из Нижнего Тагила, с баксами в кармане и амнезией. Кушать перехотелось, девушка перестала нравиться, всё стало чужим и страшным. В каждом сером костюме я видел агента КГБ. И чем дольше я находился в ресторане, тем сильнее ощущалось, что нет ни одного «невинного» взгляда. Каждый человек, даже улыбающийся официант или сосед за соседним столом, казался частью сети наблюдения. Внутри меня росло напряжение, смешанное с лёгким алкоголем: красиво, вкусно, роскошно, но страшно потому что в этом ресторане мир был лишь маской, а за ней агентура КГБ, наблюдающая за каждым моим движением. Желая покончить со всем этим хаосом и напряжением, я подсел ближе к девушке и осторожно провёл рукой по её ноге. Я подсел ближе к девушке, сердце стучало быстрее. Осторожно провёл рукой по её ноге, ожидая, что она возмутится и уйдёт. Но она, напротив, слегка подставила ногу ближе к моей. «Не сработало», подумал я, улыбнувшись себе. Подозвав официанта, я спокойно попросил счёт: Zeyl, good, сказал я, слегка коверканием слов. Официант подал бумажку. Разглядывая цифру «11», я положил ему 15 рублей. Встав, я направился к выходу. Швейцар замер, но быстро открыл

дверь я прошёл, не встречаясь с его услужливыми глазами. Такси стояло у дверей. Я подошёл и открыл дверь... и едва не подпрыгнул: в салоне уже сидела девушка, которую я до этого не заметил. Она села, закрыв дверь за собой, а я осторожно уселся напротив. Внутри меня всё напрягалось, а сердце билось в такт тихому шуму двигателя. На вокзал, сказал я водителю с притворным акцентом, голос слегка дрожал. На вокзале я открыл ей дверь и пересадил в свою машину. Коленки дрожали, тело будто не слушалось, но мы тронулись. Каждый поворот казался ловушкой, каждая тень потенциальной угрозой. Когда ворота дома открылись, я вздохнул с облегчением. Ты где был?! набросился на меня Толя, но увидев девушку, тут же ослабил пыл. Я проводил её в зал, налил воды, и хотел выйти к Толе... но остановился. «Раз уж всё так, надо довести до конца», подумал я. Взяв её за руку, я повёл к себе, движения были медленными, осторожными, почти ритуальными. Русская девушка, хорошо, сказал я с акцентом. Олрайт, ответила она, улыбаясь и слегка кивнув. Я достал из шкафа упаковку с джинсами и бросил их на кровать. Девушка с восторгом посмотрела на пакет и подошла к нему, слегка склонившись, словно каждый её шаг был сценой из фильма. Её глаза светились любопытством, а лёгкая улыбка играла на губах. Обозрев ее не маленький зад я подошел и обхватил руками. В комнате стало тёпло и напряжённо. Каждое движение, каждый взгляд, каждый звук создавали ощущение близости, интриги и того, что сейчас

всё может повернуться неожиданно. Прижав ее к себе и не почувствовав отказа я толкнул ее и она упала на кровать. С азартом зверя перед решающим сражением я стянул с нее трусы задрав юбку . Передо мной лежала прекрасная молодая женщина . Ее голова безмятежно лежала на покрывале. Предчувствуя засаду я быстро снял штаны и вонзился в нее. Быстрых три движения и я почувствовал наслаждения и восторг. В зале слышались голоса . Но я уже сделал свое дело и мне не страшна уже кутузка. В дверь вошел Толя . Он увидел меня восседающего на девушке без штанов и в пи-джаме. . Девушка испуганно обернулась, сбросила меня и торопливо начала одеваться. Там пришли из органов, сказал озадаченно Толя. Девушка испуганно собралась и выскочила из комнаты. Я сел, как был, на кровать, а потом полностью лег. «Будь что будет», подумал я. «Пусть берут таким, какой есть». Вскоре шум стих. Скрипнула дверь, и я услышал голос Толи: Прикройся, жеребец. Ты что, вообще псих? обиженно спросил он. Знаешь, кто приходил? я, не открывая глаз, помахав головой.

Это комитетчики, произнёс он уже спокойнее. Завтра доложат отцу, добавил, с грустью в голосе. Наступила тишина. Я разорвал её непринуждённо: А кто у нас папа? Громыхо, гордо ответил Толя. Я открыл глаза и сел. Прости, я не знал... сказал я сконфуженно. Не знал что? спросил он удивляясь. Я улыбнулся виновато: Не знал, что нельзя лапать де-

вушек. Толя шутливо стукнул меня по плечу: Жеребец, спи. С утра идём на пленэр. Я откинулся на спину и блаженно улыбнулся. Он выключил свет, и я уснул. Наутро меня разбудил Толя: Вставай, жеребец! Я взглянул в окно: было темно. Какой жеребец? недовольно пробормотал я. Я выучный ослик... И невесело побрёл за ним. Быстро умылся, догнал его в машине, не забыв прихватить бутылку коньяка.

Глава 15

Мы ехали по темному городу, за нами следовала машина, но Толя не беспокоился. А что если меня возьмут в чистом поле? подумал я. Не бойся, Дон Жуан, успокоил меня Толя. Папа уже звонил, всё будет нормально. Но никаких приключений больше. Я согласился мгновенно, готовый на любые условия. Оставив машину у дороги, он нагрузил меня нещадно инвентарем, и мы побрели по тропинке вверх по холму. Мы поднялись на вершину холма, утопающего в росистой траве. Толя расставлял мольберт, а я, мокрый и уставший, сел на землю, тяжело дыша. Ветер доносил запах моря, свежесть росы и тонкий аромат хвои с соседнего леса. Я распаковал бутылку коньяка и сделал большой глоток тепло растеклось по телу, холодная утренняя трава больше не колола кожу, всё стало мягче. Солнце только начинало подниматься, первые лучи играли на вершине холма, превращая рельеф травы в золотые тени. Толя стоял у мольберта, ловя эти переливы света, словно ища секрет, спрятанный в самой природе. Надо рисовать, а не заниматься политикой.

донеслось до меня его спокойное, но твёрдое утверждение. Он сел рядом, глотнул коньяка и продолжил, глаза блестя: В сущности, политика это то, что мешает нам жить. Печальная необходимость. А нам дана уникальная вещь вода или воздух, слой всего километров пять-шесть. Выше уже нечем дышать. Всё так хрупко, так ничтожно... а мы существуем только благодаря этому. Человек во Вселенной одинок. Мы тут появились в результате уникального стечения обстоятельств. Я смотрел на него, а мир вокруг будто замер: ветер шептал сквозь траву, солнечные лучи переливались на рябой листве, и казалось, что каждый оттенок, каждый звук часть его слов. Всё искусство подсознательно о восхищении этими чудесными обстоятельствами: оазис жизни в холодном космосе, продолжал Толя. Смотри: свет на траве, вода в росе, воздух, которым мы дышим это всё вдохновение. Я взял бутылку, сделал глоток и тихо спросил: А ты работаешь в политике? Нет, пока, сказал он с лёгкой улыбкой. Я пока специалист в американистике, африканистике и международных отношениях. Я присел, наблюдая, как он снова ловит свет кистью, осторожно наводя тени на холст. Всё вокруг казалось важным и одновременно таким хрупким: каждая тень, каждый луч словно маленькое чудо. Ветер с моря трепал мои волосы, первые птицы начинали свой утренний хор, и я ощутил, как маленькая, но безграничная гармония этого мира накрывает меня с головой. Я понял: здесь нет политики, нет забот, только свет, воздух, вода и искусство и это

чувство было сильнее всего. Да, всё это прекрасно...думал я, лежа в траве и глядя на солнце, пока снизу не донеслись голоса. Звук человеческой речи резко выбился из тишины холма, и любопытство взяло верх. Я поднялся и, не привлекая внимания Толи, стал спускаться вниз. У подножия холма стояла группа туристов. Они лениво разглядывали какие-то древние надписи на камнях, зевая и переговариваясь вполголоса. Было видно им это не особенно интересно, все хотели спать после раннего подъёма.

Глава 16

Я быстро оценил обстановку и, как охотник, выделил среди них добычу одну девушку, стоящую чуть в стороне. Скучающую, отставшую от общего настроения. Подойдя ближе, я наклонился к ней: Рано нас разбудили...сказал я шёпотом. Она чуть вздрогнула, но ответила: Да... поспать бы ещё пару часиков... Вы с какой здравницы? спросил я, как бы между прочим. Санаторий «Металлург», ответила она с лёгкой гордостью. Группа двинулась дальше, а она замешкалась. На мгновение задумалась идти за ними или остаться. Скользнула по мне взглядом, прикидывая: свой или нет. А как вас зовут? спросил я. Оля, ответила она. А я Паша, сказал я и протянул руку. Она вложила свои мягкие пальцы в мою ладонь. Я слегка сжал её руку. У вас очень нежная рука...произнес я задумчиво и посмотрел на вершину холма. Она не отняла её. Лишь подняла взгляд вверх, туда, куда смотрел я. А что там? спросила она удивленно наблюдая за моим взглядом.

Я чуть улыбнулся: Там художник рисует воздух. произнес я осторожно словно боясь его спугнуть. Она удивлённо нахмурилась: Как это воздух? По детски удивилась она. Пойдём, покажу. Я повёл её за руку вверх по тропинке. Подъём оказался непростым: к вершине она уже тяжело дышала, щёки её покраснелись, волосы выбились из причёски. Тише, прошептал я, когда мы приблизились. Мы подошли со спины Толи. Я осторожно приобнял её за плечи, словно направляя её взгляд, и дал ей заглянуть через его плечо на холст. Она вздрогнула... и замерла. Перед нами было не просто полотно свет, разбитый на мазки, дышащий утренним воздухом, едва уловимыми оттенками неба, травы и солнца. Я уже не смотрел на холст. Я смотрел на неё. На то, как меняется её лицо от усталости к удивлению, от недоверия к тихому восхищению. На то, как она замирает, боясь спугнуть этот момент. И в этот миг она сама стала частью картины такой же живой, хрупкой и настоящей. Оля долго не отрывала взгляда от холста. Сначала в её лице читалось недоумение, потом попытка понять, потом... что-то изменилось. Она чуть подалась вперёд, словно боялась упустить деталь, которую невозможно объяснить словами. Он... правда это видит? прошептала она почти неслышно. Он это чувствует, тихо ответил я, не убирая руки с её плеч. Она не отстранилась. Напротив словно забыла о моём прикосновении, полностью растворяясь в происходящем. Толя, не оборачиваясь, вдруг сказал: Не мешайте... просто смотрите. Его голос был спокойным,

без раздражения как будто он заранее знал, что мы стоим за его спиной. Оля замерла ещё сильнее. Солнце поднималось выше, свет становился ярче, и вдруг стало видно он действительно рисует не траву, не небо... а воздух между ними. Тот самый, который колышется, дышит, переливается. Я... никогда такого не видела, сказала она уже увереннее. Я чуть наклонился к ней: Потому что обычно на это не смотрят. Она повернула ко мне голову. В её глазах уже не было той сонной усталости только живой интерес и что-то ещё... лёгкое, едва заметное тепло. А ты... давно этим живёшь? спросила она. Я усмехнулся: Я только учусь смотреть. Она улыбнулась впервые по-настоящему, без осторожности. Мы отошли чуть в сторону, чтобы не мешать Толе. Она села в траву, поджав ноги, и провела рукой по колючим стеблям, будто проверяя, настоящие ли они. Странно сказала она. Там внизу всё обычное. Люди, разговоры, эти камни... А здесь как будто... тише внутри. Я сел рядом: Потому что здесь никто не торопится. Она посмотрела на меня внимательнее, уже без той настороженности, что была внизу. Ты не похож на остальных... Я усмехнулся: Это хорошо или плохо? Она задумалась на секунду, потом покачала головой: Пока не решила. Мы замолчали. Ветер шёл с моря, трогал её волосы, и они касались моего плеча. Она не отстранилась. Где-то внизу уже почти не было слышно туристов будто тот мир остался далеко, за пределами холма. А если я уйду с группы... вдруг сказала она, не глядя на меня. Они ведь даже не заметят. Я посмот-

рел на неё: А ты хочешь, чтобы заметили? Она чуть улыбнулась: Не знаю... Пауза повисла между нами не неловкая, а тёплая, наполненная чем-то новым. Толя сделал шаг назад от мольберта, оценивая работу, и солнце окончательно вышло из-за горизонта. Свет залил холм, и в этот момент всё стало яснее и картина, и утро, и то, что между нами уже началось. Оля медленно повернулась ко мне: Покажешь мне ещё что-нибудь... кроме воздуха? Я улыбнулся: Если останешься покажу. Она не ответила. Только слегка кивнула и осталась сидеть рядом. Она не ушла. Просто осталась сидеть рядом, будто решение уже было принято где-то глубже слов. Ветер играл с её волосами, и пряди время от времени касались моего лица. Она этого не замечала... или делала вид, что не замечает. Странно, тихо сказала она, глядя на горизонт. Я ведь просто вышла с группой... а ощущение, будто свернула куда-то не туда. Или как раз туда, ответил я. Она посмотрела на меня прямо, без прежней осторожности. В этом взгляде уже не было случайности. Там было внимание. А ты часто вот так... уводишь людей с тропинок? Я усмехнулся: Только тех, кто сам хочет свернуть. Она улыбнулась. И в этой улыбке было что-то новое не просто вежливость, а тихое согласие на игру, правила которой мы оба уже понимали. Мы сидели рядом, не торопясь ни говорить, ни двигаться. Тишина между нами становилась плотной, почти осязаемой. Я осторожно коснулся её руки на этот раз не как знакомство, а как продолжение разговора. Она не отдёргнула. Только чуть поверну-

ла ладонь, позволяя моим пальцам лечь в неё увереннее. Ты всегда так... смотришь? спросила она. Как? Будто видишь больше, чем говоришь. Я чуть пожал плечами: Просто иногда молчание точнее слов. Она опустила взгляд на наши руки. Пальцы переплелись сами собой без усилия, без решения, как будто так и должно было быть. Солнце уже поднялось выше, свет стал ярче, и теперь её лицо было видно ясно: лёгкая усталость исчезла, осталась мягкость и какое-то доверие, которое не объяснишь. Я ведь могу потом пожалеть, тихо сказала она. Можешь, спокойно ответил я. Она кивнула, будто принимая это как часть происходящего. Потом повернулась ко мне чуть ближе. А ты? Я уже нет. Пауза. Ветер усилился, трава зашуршала вокруг нас, словно скрывая этот момент от всего остального мира. Где-то за спиной Толя тихо двигался у мольберта, но мы уже были в другом пространстве вне его, вне туристов, вне всего. Я медленно провёл пальцами по её запястью, потом выше, к локтю. Она чуть вздохнула едва заметно, но этого было достаточно. Ты опасный, прошептала она. Нет, ответил я. Просто не останавливаюсь. Она улыбнулась уже не скрываясь. И сама чуть приблизилась. Теперь расстояние между нами почти исчезло. Я чувствовал её дыхание, тёплое, неровное. Она не отводила взгляд. Тогда... не останавливайся, сказала она едва слышно. И в этот момент всё стало простым и ясным без слов, без сомнений. Только утро, свет, ветер... и она рядом. Вообще-то тебя будут искать, сказал я негромко. Пойдём, я тебя

провожу. Она оглянулась, будто только сейчас вспомнила о группе. Но те уже спускались с холма маленькими фигурками, растворяющимися в утреннем свете. Пойдём, добавил я. Я отвезу тебя. Она не спорила. Только улыбнулась легко, почти благодарно и позволила мне взять её за руку. Мы спускались по тропинке не спеша. Она смеялась уже свободно, без утренней сонливости, без той осторожности, с которой смотрела на меня внизу. Иногда чуть оступалась, и тогда крепче сжимала мою руку, словно проверяя, рядом ли я. У машины я открыл ей дверь. Она села, поправляя волосы, и на секунду задержала взгляд на мне чуть дольше, чем нужно. Дорога вниз прошла быстро. У автобуса уже началась суeta кто-то считал людей, кто-то нервно оглядывался. Когда Оля вышла из машины, всё вокруг словно замерло. Женщины помоложе смотрели с любопытством, с лёгкой завистью, с вопросами в глазах. Те, что постарше, с осуждением, почти открытым. А она шла спокойно. Лёгкая походка, прямая спина, ни спешки, ни оправданий. Перед тем как подняться в автобус, она обернулась. Нашла меня взглядом. И помахала рукой. Просто. Тихо. Но так, будто это было не прощание, а обещание. Я дождался, пока автобус тронется, и тоже поднял руку в ответ. Когда он скрылся за поворотом, утро вдруг стало тише. Как будто вместе с ним ушло что-то важное или, наоборот, только началось.

Глава 17

Я вернулся к Толе. Он посмотрел на меня с ухмылкой: Ну

ты и жеребец... даже в чистом поле нашёл себе кобылку. Я только усмехнулся. Внутри ещё оставалось её тепло в руке, во взгляде, в этом коротком утре, которое вдруг оказалось больше, чем просто случайной встречей. Толя снова навьючил меня инвентарём, и мы пошли к машине. Я шёл, слушая, как трава шуршит под ногами, и думал уже не о страхе, не о КГБ, не о случайностях. А о том, что иногда достаточно одного утра, одного взгляда... чтобы что-то внутри окончательно сдвинулось с места. Мы вернулись в дом, выгрузили вещи и разбрелись по комнатам. Я был погружён в свои мысли, а тело будто само искало общения. Молодость давала о себе знать хотелось больше, чем просто сладостей жизни. Хочется настоящего, живого. Полежав немного, я встал и поехал на машине к санаторию «Металлург». Наверное, звёзды сошлись, или судьба сама расставила всё по местам. Когда я подъехал к воротам, она стояла там немного растерянная, но при виде машины глаза сразу загорелись. Она встрепенулась и направилась ко мне. Я остановился, выскочил и побежал навстречу. Она бросилась мне на встречу и повисла на шее. Я сжал её крепко, будто не видел целую вечность. Мы немного отстранились, и я увидел её губы. Не думая, я поцеловал её. Она отвечала неуверенно, но с желанием, суя свой язык и прижимаясь сильнее, стараясь, и это было так живо, так настоящее ... «Поедем?» предложил я. Она кивнула, и мы сели в машину, помчавшись по горной дороге. В салоне воцарилась давящая тишина. Мы оба думали о своём, слова ка-

зались лишними. Я пытался не думать о пошлом, но сердце и тело делали своё. Когда очередной поворот вывел нас на небольшую стоянку, я остановился, заглушил двигатель и снова встретил её губы в поцелуе. В машине было тесно, но это только сближало нас. Мы обнялись, и без слов пересели на заднее сиденье. Одежда зашуршала, её лицо горело румянцем, а тело отдавалось с такой страстью, что я не мог сдерживаться. Одежда медленно покидала наши тела и вот когда она оказалась голой я прижал ее к себе. Ее тело дрожало и было горячо. Она прятала свое лицо у меня в плечах. Усадив ее на свои ноги я прижал ее к себе. Мой член был у ее паха. Она чувствовала это и замерла. Я тоже не спешил. Было жарко и я уже чувствовал запах ее женских секретий. Которые возбуждали меня , приводя в безумие. Но что то сдерживало меня . Я был уже в женском теле , буквально еще вчера и уже не хотел такой сумбурности. Немного оттолкнув ее от себя . Посмотрел в ее глаза которые горели желанием и трепетом просили меня возьми! Но я чуть придвинув ее к себе , только обозначив прикосновение . Она вздрогнула всем телом от новых ощущений и замерла. Я наслаждался моментом и лицезрел ее тело. Увидев в моих глазах восхищение она справилась с перво начальными чувствами и подняв свою самооценку спросила восторженно нравлюсь !, Поцеловав в ее еще несформировавшуюся грудь с соском утопленным вовнутрь я произнес восхищенно ты богиня ! Она снова спрятала свое лицо в моих плечах и подалась бедрами

ко мне. Уткнувшись в препятствие она ойкнула и замерла. Ей казалось что это произойдет быстро и без боли . Но первая попытка не удалась , а на вторую она не осмелилась , Я тоже не посмел нарушить ее целостность вот так бестолково в машине. Я прижал ее к себе и поцеловал в губы. Она страстно целовала меня заливая своей слюной полость моего рта , но это было приятно. Мы целовались пока не онемели губы. И когда она стала отодвигаться от меня взвизгнула и широко раскрыв глаза испытала оргазм. От обилия смазки мой член выскочил из нее и она поддавшись вперед испытала продолжение оргазма от вида которого я тоже извергся. Мы затаились словно нашкодившие малыши. Она прижималась ко мне словно стеснялась увидеть мои глаза. Я ощущал струйки пота катившиеся по моему телу от ее. Она наверное тоже. Но как бы долго мы не обнимались этот миг настал и мы встретились глазами и счастливо рассмеялись. Она тряслась всем телом . Ее маленькие груди подпрыгивали но соски все ровно были спрятаны внутри. Я просто любовался ею как мужчина наделенный опытом. А она просто смеялась как женщина получившая первый оргазм от мужчины и осознавая что она страстная женщина. Ее самооценка поднялась на порядок выше всех кого она знала. Видя в моих глазах восхищение она смеялась еще ярче и ей было хорошо. А я просто любовался ею. Когда приступ демонического хохота у нее закончился она отодвинулась и смело посмотрела вниз. Ей было интересно как женщине что это произошло.

Она у удивлением рассматривала белесую слизь которая соединяла наши животы прозрачными канатиками. Затем кончиками пальцев потянула одну из нитей и растянула вверх. Ее глаза округлились от удивления. Вот из этого рождаться дети произнесла она удивленно. И по детски непосредственно поднесла пальцы к носу. Улыбнувшись она произнесла и запах волшебный. У нас происходило открытие мира как у молодоженов . Которые теряют стыд перед друг другом после первой близости . Потому что потом только открытия и дорога вперед. И чтоб не потерять этот момент я произнес хочешь кушать ? Она порывисто обняла меня . Какой ты замечательный произнесла она горячо и стала быстро одеваться. Но одеться быстро у нас в тесной машине не получалось . Мы смеялись, толкались и мешали друг другу. Но как бы мы не старались поправлять одежду пришлось выйдя из машины под осуждающие взгляды проезжих . Но ей не было стыдно она сияла. Усадив ее в машину я повез ее в придорожное кафе , где мы взяли шашлык и салат с сыром. Как вкусно шептала она снимая мясо с шампура и закидывая в рот листья петрушки. Для нее все было ново это читалось по ее глазам. Насытившись она уставилась на меня словно ожидая окончания спектакля и предчувствуя что карета превратится в тыкву. Поедем ко мне предложил я . Она восприняла это как приглашение в замок . Обняла меня и сжимала пока не выбилась из сил . Потом откинулась на сиденье и предалась мечтам .

Глава 18

А я вез ее по серпантинам дорог словно украденную добычу. Когда машина остановилась и перед нами открылись ворота она изумилась еще больше. Припарковав машину, я вышел и открыл ей дверь. Где ты был, жеребец? корил меня Толя, но, увидев девушку, просто замолчал. Это Оля, представил я её Толе и повёл к столу. Толя обогнал нас и подставил стул. Она величественно присела, словно всё это было для неё само собой разумеющимся. Нам накрыли на стол, и всё шло привычно, пока не появилась ещё одна женщина. Открылись ворота, въехала машина. Мы никого не ждали, Толя разливал лимонад, мы собирались просто вкусно поесть. Но из машины вышла женщина с шестилетним сыном. Толян выбежал из-за стола и обнял её, а мальчик повис у него на ногах. Мы тоже вышли навстречу. Толя горячо поцеловал супругу и представил: Это моя жена Валентина и мой сын Игорь. Затем, обернувшись к нам: А это мой друг Павел и его подруга Оля. Его супруга, увидев, что муж в хорошей компании, успокоилась и расцвела. С улыбкой протянула нам руку, и мы познакомились. Мы помогли им с багажом, они ополоснули руки и сели за стол. На Востоке, сказал я, если человек приходит к столу, значит, бог покровительствует ему. Все улыбнулись, но Валентина покачала головой: Восток дело тонкое. Но я слышала, что если гость приходит к накрытому столу, он не желает зла этому столу. Мы все весело рассмеялись. Когда подали первые блюда, Валенти-

на обратилась к Оле: Я вас где-то видела? Оля улыбнулась открытой, искренней улыбкой. А вы были в Москве? увлеклась мыслью Валентина. Да, призналась Оля с детской непосредственностью, я была с папой в Кремле на награждении. Ваш папа директор Донецкого металлургического комбината! воскликнула Валентина. Оля насупилась, словно раскрыли её тайну. Она обиделась на меня, но, увидев в моих глазах радость общения, успокоилась. Валентина торжествовала: её муж в приличной компании, а отец мужа послал проверить сына и всё подтвердилось. Паша сразу понравился Валентине: такой жёсткий, как Цербер, без намёков и любострастий. Поедем к морю? предложила она на эмоциях. Привыкшая, что во всём потакают, она столкнулась с суровой реальностью. У нас дела, заявил Паша, и Оля сразу встала, не спрашивая Валентину. Её муж сказал, что устал и завтра у него зарисовки. Валентина сбавила обороты: А как же я? пыталась давить на жалость. Но Паша просто увёл девушку, а муж взял сына на колени. Поняв, что нужно менять тактику, она подошла к мужу и обняла его сзади, чтобы не нарушать семейную идиллию. Мы с Олей вышли на улицу, чтобы не мешать единению семьи. Дом стоял на окраине, до города было далеко, и мы стояли, словно на перепутье. Вдруг из ворот выбежал Анатолий: Пашкец! крикнул он. Ты куда без машины? Я радостно обернулся, и мы вернулись. Валентина тоже вышла, ожидая продолжения «представления», и дождалась его потому что я, не видя другого выхода, пригласил их в

ресторан. Ехать в «Лазурное» не хотелось, поэтому я повёз их в морской порт, где был хороший ресторан. Припарковав машину, мы подошли к двери, на которой висела вывеска «Мест нет». Я показал выглянувшему швейцару десять баксов и мы прошли внутрь. Нас проводили к столику, за которым теперь обслуживал официант, явно понимающий, кто «главный» благодаря щедрому совету. Валентина внимательно следила за каждым моим движением, словно записывая всё на заметку. Нам принесли морскую рыбу и устрицы. Спиртное я не стал заказывать, но взял молочные коктейли чем очень порадовал сына Анатолия. Мы хорошо посидели, разговорились, посмеялись, а потом, забрав Олю и довезя её до «Металлурга», отправились домой.

Глава 19

Утром я проснулся рано, взял машину и поехал к «Металлургу». Оля уже стояла у проходной будто и не спала всю ночь. Увидев меня, она сразу подбежала к машине. Я резко затормозил, выскочил ей навстречу и мы обнялись. Как провела ночь? спросил я, целуя её. Она смутилась, уткнулась мне в грудь: Думала о тебе... Покатаемся? предложил я. Она даже не ответила просто запрыгнула в машину, и мы рванули по серпантинам. Дорога вилась, уходила вверх и вниз, ветер бил в окна, а она то смотрела на меня, то в сторону моря. По пути я купил шашлыка, и мы остановились у пляжа. Берег был почти пустой утро, свежо, тихо. Мы быстро разделись и побежали в воду. Прохлада сначала обожгла, а потом

стала в кайф. Оля смеялась, плескалась, но вскоре выяснилось плавать она не умеет. Ты серьёзно? усмехнулся я. Ну да... протянула она, чуть смутившись. Пришлось учить. Я держал её за руки, потом за талию, показывал, как держаться на воде. Но волны мешали накатывали, сбивали ритм, и она каждый раз цеплялась за меня, смеясь и одновременно пугаясь. Не отпускай! Кричала она. Да не отпущу я... отвечал я ей. Она всё ближе прижималась, уже не столько училась, сколько просто держалась рядом. Вода, смех, солнце всё смешалось в один тёплый, живой момент. Мы выбрались на берег, тяжело дыша и смеясь, и повалились на песок... Я правда не спала... всё думала...признавалась она. Я ничего не ответил, просто провёл рукой по её волосам. Немного отдышавшись, мы вспомнили про шашлык. Я достал его, развернул запах сразу разошёлся по воздуху. Мы ели прямо руками, смеялись, перебивая друг друга, и всё казалось каким-то простым и настоящим. Пляж постепенно оживал, но нам было всё равно будто весь этот кусок берега был только для нас. Она сидела, поджав ноги, и вдруг тихо сказала: Мне с тобой спокойно... Я посмотрел на неё и понял, что этот день запомнится надолго. Мы ещё долго сидели у воды, не спеша, без планов, просто наслаждаясь моментом... Запах шашлыка нравился не только нам. Мы это поняли, когда слышали шаги. Четверо парней подошли слишком близко. Я посмотрел на них они ухмыльнулись. Этого было достаточно. Я среагировал мгновенно. Перекатом сбил троих,

вскочил и короткой двоечкой уложил четвёртого. Остальные подняться толком не успели всё закончилось быстро. Паша, не надо! кричала Оля. Но я уже действовал на автомате. Привычка, выработанная годами сначала обезопасить ситуацию, а потом разбираться. Я связал их, только после этого остановился. Мы собрали вещи и ушли. Перед уходом я бросил на них последний взгляд, который оставил под их глазом синяк, пусть запомнят. Ты жестокий... сказала Оля, уже в машине, почти плача. Я молчал. Так нельзя... добавила она тихо, обиженно. Я не стал ничего объяснять. Просто завёл двигатель и поехал. Мы нашли другой пляж. Я остановился, вышел к воде. Через минуту она подошла сзади, обняла меня: Прости... Ладно, коротко ответил я. Пойдём купаться. Вода быстро смыла напряжение. Настроение вернулось. Мы плавали, смеялись, валялись на берегу день снова стал лёгким. Сытость, солнце, море всё работало на нас. К вечеру мы собрались домой. Но по дороге я специально свернул к тому самому пляжу. Надо поставить точку, сказал я. Там уже было больше людей человек десять. Они ждали. Я вышел из машины. Разговор не задался с самого начала. Они хотели реванша я не собирался тянуть. Всё произошло быстро и жёстко. Я двигался как машина, без лишних эмоций, просто гасил одного за другим. Когда всё закончилось, я остался стоять один. Тех, кто приходил в себя, я поднимал, коротко объяснял, в чём они были неправы, и снова укладывал, если начинали дергаться. В итоге усадил всех в круг. Сказал

спокойно, без крика: Запомните. Не лезьте туда, где вас не ждут. Они, может, и не всё поняли, но главное почувствовали. Мне этого было достаточно.

Глава 20

Подъехав к проходной «Металлурга», я спросил: К тебе можно? Оля пожала плечами: Посторонних не пускают... А как же дедушка Ленин? улыбнулся я. Мы подошли к входу. Пожилой охранник уже собирался нас остановить, но красная корочка мгновенно остудила его пыл. Эта девушка со мной, спокойно сказал я и прошёл внутрь. Он отступил, растерянно глядя на Олю похоже, узнал её. Мы направились к главному корпусу. Здание выглядело монументально почти как дворец, построенный для отдыха и здоровья. Где у вас ресторан? спросил я. Я... только в столовую ходила, призналась она. Тогда води к себе сказал я. Она взяла меня за руку и повела. Жила она в двухместном номере с молодой женщиной по имени Вероника. Мы познакомились, и та, без лишних вопросов, оставила нас одних. Оля вела себя уже спокойно, без стеснения как будто мы давно вместе. Быстро приняла душ, накинула лёгкое платье, и мы вышли на танцплощадку. Музыка уже играла, народ танцевал. Я вывел её в центр и стал учить твисту. Мы смеялись, путались в движениях, снова начинали было легко и весело. Когда танцы закончились, люди начали расходиться по тёмным аллеям, а мы направились в ресторан. Мест, конечно, не было. Но «дедушка Ленин» и три рубля снова сделали своё дело нам вынес-

ли отдельный столик и быстро всё накрыли. Мы ели фрукты, пили коктейли под лунным светом и рассказывали друг другу истории из жизни. Когда всё стихло и ресторан опустел, я проводил Олю до комнаты. Она открыла дверь я шагнул следом. В комнате было тихо. Усталость накрыла нас сразу. Мы почти не разговаривали просто легли и быстро уснули. Я оставил сверху свою красную корочку на всякий случай. Утром нас никто не беспокоил. Оля спала, прижавшись ко мне, как ребёнок. Я проснулся от тепла солнечные лучи уже пробивались в окно. Она чуть шевельнулась, открыла глаза: Ты проснулся?.. голос у неё был хрипловатый после сна. Нет, серьёзно ответил я, это ты меня разбудила. Она улыбнулась и легко стукнула меня кулачком. Я поцеловал её просто, поутреннему, без спешки. И в этот момент всё было на своих местах без лишних мыслей, без суеты... просто рядом. После первого поцелуя запахи и вкусы объединились и я лег на нее сжав ногами ее ноги. Она была податлива и готовая на все . Но я хотел другого . Мой начитанный разум хотел воплощения после знания. Слегка просунув член ей между ног я добился хорошей смазки и стал скользить по ее поверхности. Она застыла словно окаменев прислушиваясь к своим ощущениям. Но чувствуя приятное постепенно оттаивала , расслабляя все тело и помогая мне бедрами. Оргазма она достигла быстро . Обнимая меня руками и тихо всхлипывая мне в плечо. В дверь постучали . Занято произнес я громко и за дверью слышались удаляющиеся шаги. Целуя и лаская

ее я доводил себя до оргазма и когда он настал я обрызгал ей весь животик . Она радостно рассмеялась как будто это она помогла это сделать. Я снова лег на нее размазывая слизь по ее животу . Нечаянно мой член снова коснулся ее промежности и она снова кончила уже с приглушенным криком зажимая от испуга рот рукой. Как это как будто извиняясь произнесла она . Во всем нужна сноровка смекалка тренировка произнес я. Она обняла меня и прошептала ты меня сделал счастливой женщиной. Еще немного понежившись мы привели себя в порядок и вышли на территорию санатория . На лестнице обнаружилась Вероника .Чтобы сгладить свою вину я сунул ей в карман трешку. Женщина благодарно взглянув произнесла не стоило я все понимаю но денег не вернула. Мы прошли в столовую завтрак уже закончился. Повара суетились, готовясь к обеду. Я подошёл к стойке и спокойно произнёс: ОБХСС. Контрольная закупка. Меня услышали все. В зале мгновенно повисла тишина глухая, тяжёлая. Только муха где-то под потолком продолжала жужжать, будто ей одной было всё равно. Откуда ни возьмись появилась заведующая. Я лишь слегка показал край корочки этого оказалось достаточно. Книгу учёта и все накладные, сказал я буднично. Товарищ Гладько будет понятой. Я кивнул на Олю. Заведующая заметно занервничала, засуетилась. И приготовьте нам завтрак. Мы с утра не ели. Через несколько минут стол уже был накрыт. Яичница, колбаса, сыр, свежий салат... даже хлеб с икрой. Мы ели молча. Без разговоров.

Просто наслаждались едой. Заведующая всё это время стояла у двери с кипой документов в руках и не решалась подойти. Когда мы закончили, я сам поднялся, подошёл к ней и, взяв за руку, отвёл в кабинет. Наклонился ближе и тихо спросил: У вас всё в порядке? Она часто закивала, испуганно глядя на меня... Я ещё раз взглянул на её испуганное лицо и слегка улыбнулся, чтобы смягчить ситуацию: Не бойтесь, сказал я тихо. Просто хочу убедиться, что всё чисто и правильно. Она немного расслабилась, но держалась настороженно, словно ждала подвоха. Я указал на стол с документами: Покажите накладные, журнал учёта. Всё должно быть в порядке. Она замялась, потом аккуратно начала доставать бумаги. Я стоял рядом, наблюдая. Она тем временем оставалась за столом, молча, словно понятой. Всё верно, сказал я, когда пробежался глазами по записям. Цифры сходятся, документы в порядке. А сам взяв ручку написал на обратной стороне накладной цифру 100 . Она понимающе кивнула и расстегнув верхнюю пуговицы достала четыре бумажки с протянула их мне. От волнения ее грудь чуть не вывалилась . Я осмотрел ее пристальнее. А она была фигуристой теткой. Закрыв дверь на засов я подошел к ней. Увидев в моих глазах похоть она мило улыбнулась. Положив животом ее на стол я задрал ей подол. Жопа у нее было что надо. Припусти трусы , а от туда такой запах что я сразу передумал . Поиграв с ее ягодицами , чтоб не обижать женщину произнес ей на ушко в следующий раз. Она закивала головой согла-

шаяся на все условия сделки. Заведующая, словно выдохнув, слегка улыбнулась, но глаза всё ещё выдавали тревогу. Хорошо, сказал я спокойно. Теперь вы знаете, что я могу прийти в любой момент. И лучше, чтобы таких сюрпризов больше не было. Она кивнула и быстро спрятала бумаги обратно в шкаф. Я отпустил её юбку и шагнул к двери. Ну что ж, сказал я, завтра проверка будет мягче. Пока можно дышать спокойно. Оля вышла за мной. Мы направились к выходу, а заведующая ещё несколько секунд стояла в дверях, словно не веря, что всё закончилось без скандала. Ты умеешь создавать напряжение, сказала Оля тихо, когда мы шли по коридору. Это называется дисциплина, ответил я с лёгкой улыбкой. И немного искусства убеждения. Мы вышли из здания и вдохнули свежий воздух. Солнце уже поднималось выше, обещая новый день, полный возможностей и приключений.

Глава 21

Мы поехали к Анатолию они уже были дома. Вместе отправились на пляж и купались до обеда, наслаждаясь последними тёплыми лучами солнца. На обед вернулись домой. Нам подали борщ и котлеты с рисом. Мы уезжаем в Москву, сказал Толя, виновато опуская глаза. Хорошо, ответил я спокойно. Давайте поедem вместе, предложила Валентина. Я мягко погладил её по руке: Спасибо вам, сказал с уважением. Я приеду позже, а пока у меня тут дела. Ты можешь оставаться здесь сколько нужно, горячо сказал Толя. Спасибо, ответил я благодарно. Когда у вас поезд? спросил я. У нас

самолёт, ответила Валентина. Вот и молодцы, похвалил я их с лёгкой улыбкой. Мы ещё немного поболтали, провели пару часов за разговорами и воспоминаниями, а затем отвезли их в аэропорт. На прощание Толя тихо шепнул мне на ухо: Осторожнее с красной книжечкой. Я пожал ему руку крепко, по-мужски. Мы расстались. Что привело меня на этот рубеж, я уже не знал. И с кем меня сведёт судьба дальше тоже оставалось загадкой. После того как мы распрощались с Толей и Валентиной, дорога обратно казалась длиннее. Машина шла тихо, лишь ветер за окном шелестел листьями. Оля сидела рядом, молчала, погружённая в свои мысли. Я тоже молчал, но в голове крутилось одно и то же: что привело меня сюда, к этим людям, к этим событиям, и что будет дальше. Город постепенно отдалялся за спинами машин, а на горизонте уже угадывались знакомые контуры улиц. Мне казалось, что весь мир вдруг сузился до этого одного дня до этих встреч, смеха, разговоров, солнечного пляжа и тёплых рук Оли. Я ловил себя на мысли, что многое из того, что произошло, было предreshено: случайности ли это, судьба ли, или просто цепь моих решений, выстроившаяся в линию событий неважно. Главное, что сейчас я здесь, и мне предстоит двигаться дальше. Оля слегка прижалась к моему плечу. Её лёгкий ритм дыхания успокаивал. Я понял, что рядом со мной тот человек, с кем не страшно ни перед чем. И это ощущение давало странное спокойствие, несмотря на все опасности и напряжение последних дней. Мы подъехали к дому. Я остановил

машину, и Оля тихо сказала: Кажется, мы дома. Я кивнул и вышел первым, открывая дверь. Мир за порогом был таким же привычным, но уже не таким обычным. Всё, что произошло, оставило след в теле, в душе, в мыслях. И я знал, что впереди новые встречи, новые испытания и решения. А пока можно было позволить себе короткий момент тишины, понять, что сегодня прожито не зря, и настроиться на то, что придёт завтра. Анатолий Сливко пронеслось у меня в голове, и я проснулся. Да, вспомнил про этого маньяка, или это новое задание мысль пронеслась мгновенно. Оля спала рядом, повернувшись попойкой ко мне. Через два дня она уезжает домой... надо провести с ней оставшееся время, подумал я. Но когда вышел во двор, заметил машину. Внутри что-то ёкнуло не к добру. Я быстро собрал вещи, разбудил Олю, и мы неспешно позавтракали. Загрузив багаж, я повёз её в санаторий. Оставив машину у входа, прошёл с Олей по территории. Незаметно оглянулся машины нет. Я поцеловал её. Не скучай, бросил я ей. Она улыбнулась, и я снова вышел. Сев в машину, поехал в город. Оставив её у дороги, сел в автобус и доехал до окраины. Там поймал попутку и направился в Сухуми.

Глава 22

К ночи меня встречал тёплый бриз Абхазского берега. Снял комнату в домике у моря и первым делом пошёл купаться, смывая усталость и лёгкий страх, что накопился за день. Накупавшись, вышел на берег, вытираясь. У моей

одежды стоял силуэт. Я подошёл ближе. По очертаниям это была женщина, но при свете луны лица разглядеть не удалось. Она стояла неподвижно, словно часть ночи. Ветер играл её волосами, лёгкая ткань платья шуршала. Я замер, пытаясь понять: пришла случайность или это что-то важное, что должно произойти именно сейчас. Кто там? спросил я тихо, но почти без звука, чтобы не спугнуть. Силуэт слегка сдвинулся, словно реагируя на мой голос. И тогда я понял: ночь только начинается, а с ней новые загадки и испытания. Силуэт слегка сдвинулся, и я сделал ещё шаг вперёд. Лёгкий ветер играл её волосами, и я услышал тихий смех почти шёпот, смешанный с шумом волн. Кто ты? снова спросил я, но уже мягче, чуть улыбаясь. Я Настя представилась она и медленно повернулась, и я разглядел глаза большие, тёмные, сверкающие в лунном свете. Ветер чуть приподнял край её платья, и на мгновение всё вокруг стало словно замедленным: шум волн, шорох песка, лёгкое дыхание. Я... начала она тихо, просто пришла полюбоваться ночью. Я подошёл ближе. Сердце забилось быстрее. Она не отступала, а наоборот, чуть наклонилась навстречу. Мне кажется, мы давно должны были встретиться, сказал я, мягко касаясь её руки. Она улыбнулась, слегка опустив взгляд. Руки наши почти соприкоснулись, и я осторожно провёл ладонью по её плечу, потом по руке, чувствуя тепло и лёгкое дрожание. Ты необыкновенная, сказал я почти шёпотом. И я рад, что здесь именно ты. Она подняла глаза, их блеск отражал лунный свет, и

улыбка стала шире. Не сдержавшись, я приблизился, и наши губы встретились в лёгком, нежном поцелуе. Поцелуй был долгим и тихим без спешки, с ощущением, что весь мир вокруг исчез, остались только мы и мягкий шум прибоя. Когда мы отстранились, она прижалась ко мне, обвив руки вокруг шеи: Я никогда не хочу уходить отсюда... И я тоже, прошептал я. Но ночь наша, пока мы здесь. Мы стояли на берегу, слушая волны, держа друг друга за руки. В этот момент казалось, что всё возможно, что мир слишком велик для тревог, и что ночь подарила нам именно то, чего мы оба ждали теплоту, близость и чувство, что мы нашли друг друга среди всего этого. Я был гол и поэтому мой член проник ей между ног. Она зажала его ладонями и наслаждалась. Я не торопился лечь мы целовались и ласкали друг друга руками. Она вкусно пахла и была нежна. Возможно она проверяла мою стойкость и выждав какое то время она увлекла меня вниз оседая. Она легла прямо на тёплый песок и позволив снять с себя трусы широко раздвинула ноги и запустила меня в себя. Я растянул верх ее платья и вытащил большую грудь наружу. Взял в рот ее упругий сосок. Она тем временем медленно но уверенно двигала бедрами явно зная что делает. Ее губы пахли медом, а сама она пахла сиренью. Когда мои губы коснулись ее ушек она прошептала сильнее и стала помогать мне обхватив мои бедра руками. Не сдерживая крик и стоны она оповестила сухумский берег о своем оргазме. Ее тело еще долги билось в конвульсиях. Она не выпускала

меня из себя сильно прижимая руками. Насладившись окончательно она расслабила руки . Я все прошептала она с благодарностью. Ты в каком санатории спросил я . Она улыбнулась я это почувствовал потому что было темно. Нас туда не пустят произнесла она шепотом .Пойдем ко мне произнес я тоже шепотом . Пойдем согласилась она. Взяв её за руку, я повёл к себе. Надо помыться, сказала она тихо. Не надо, ответил я мягко, улыбаясь. Тебе нравятся девушки в песке? прозвучал её насмешливый вопрос. Да, спокойно ответил я, не отводя взгляда. Мы подошли к кровати. Я не включал свет только лунный свет проникал сквозь окно, окрашивая комнату серебристым светом. Она легла, и шуршание одежды, перемешанное с мелким песком, посыпалось на пол. Я сел рядом, наблюдая за ней, чувствуя тепло её тела. Песок был только поводом для смеха: она слегка покривила нос, стряхивая остатки с платья, и я невольно улыбнулся. Ты смотри, сказала она с лёгкой улыбкой, не оставь меня здесь навсегда в песке. Не оставлю, прошептал я, касаясь её руки. Ты рядом и это всё, что важно. Мы лежали в тишине, прислушиваясь к шуму ночного моря, к лёгкому скрипу пола, к дыханию друг друга. Каждый звук, каждое движение создавали ощущение, что мир замер и существует только для нас двоих. Она прижалась ко мне ближе, я обнял её, ощущая, как её тело расслабляется, доверяя мне. Песок, ночь, тепло и близость всё смешалось в мягкий, уютный хаос. Мне хорошо, сказала она почти шёпотом. Мне тоже, ответил я. И поцелуй, лёгкий сна-

чала, постепенно стал длиннее и глубже, как будто мы пытались уловить всю ночь в одном мгновении. Комната, лунный свет и звук прибоя слились в одно ощущение: здесь и сейчас только мы, без лишних слов, без лишних мыслей.

Глава 23

Утро встретило меня тонким лучиком солнца, пробившимся сквозь плотную штору и упрямо бьющим прямо в глаз. Я приоткрыл веки и увидел её. Она стояла у окна, обнажённая, словно лесная нимфа, с маленьким зеркальцем в руках и озорной искрой во взгляде. Её глаза смеялись, сияли, будто излучали тихое, тёплое счастье. Доброе утро, сказал я, и в голосе невольно прозвучала радость. Она не ответила сразу лишь подошла ближе и, улыбнувшись, рассыпала по моей груди мелкие крупинки песка. Я зажмурился, чтобы они не попали в глаза. Она наклонилась, осторожно провела губами по моим векам, убирая песчинки лёгким, почти невесомым прикосновением. Знаешь, чего я хотел всю ночь? тихо произнёс я, не открывая глаз. Я почувствовал, как она покачала головой её волосы мягко коснулись моего плеча. Я хотел почувствовать твой запах... Это было почти невыносимо... но я сдержался. Я хотел твой запах между ног. Она на мгновение замерла, потом наклонилась ещё ближе, и её голос тихий, как ночная трель коснулся моего слуха: А я хочу писать но боюсь идти одна. Я молча ждал ее действий. Она почувствовав мое ожидание и закинув ногу через меня оперлась на матрас и присела к моему лицу . я почувствовал

запах секса сладкой женщины с ноткой аммиака. Ее жесткие пружинистые волоски коснулись моего носа . Открыв глаза у увидел розоватое лоно такое же красивое как и она сама. Высунув я зык я коснулся ее тела . Она отпрянула осыпав меня частичками песка. Я встал и надев штаны произнес пойдем провожу . Она с улыбкой уставилась на меня . Ты пойдешь так вытаращив глаза произнесла она удивленно . Я посмотрел на мой эрегированный член и задумался . Это неприлично прошептала она и повернулась призывно ко мне задом . Пришлось успокоить его и ее. Как она была хороша . Крутые бедра и круглый задик . Талия и мощная спина . Она выглядела как скаковая лошадь и я кончил в нее делая импульсивные движения бедрами желая получить максимальное удовольствие. Я отошел от нее . Она ладошкой подхватила продукт нашей близости и с радостью поднесла мне . А это не хочешь понюхать сказала она с шутливой насмешкой . Хочу признался я понимая что это доставит ей удовольствие . Но когда я приблизился к ее ладошке она размазала слизь по моему лицу. Я закрыл глаза . Она подошла ко мне пока мой член не уперся в ее тело и начала слизывать ее с моего лица. Затем начала притопывать хочу писать стонала она. Я оделся и мы вышли во двор . Во дворе суежилась хозяйка Я провел Настю прямо в душевую кабину . О доброе утро вам произнесла деловито хозяйка смотрю кому то счастье привалило . Ее глазки озорно блестели и она понимающе улыбалась. Может вы мне весь дом сдадите спросил я от смущенья. К стати

тоже доброе утро вам. Она уперла руки в бока . Да вы же мне всех жильцов распугаете вашими воплями стебалась она. Я пожал плечами . Ну тогда съеду сегодня произнес я буднично. Я тебе съеду произнесла она деловито я что молодой не была и не знаю как это хочется . Пойдем покажу одно место. Я проследовал за ней .Мы спустились в погреб по узкой деревянной лестнице. Когда она щёлкнула выключателем, мягкий жёлтый свет раскрыл пространство и я невольно замер. Большая тахта у стены, грубый деревянный стол, два стула. Вдоль стен три массивные дубовые бочки. С потолочных балок свисали тяжёлые гроздья винограда. Воздух был густой, прохладный, с лёгким винным ароматом. Антураж будто из старой сказки. Вот только для вас, произнесла она с нарочитой рекламной интонацией. Здесь хоть накричитесь никто не услышит. Она озорно подмигнула. Хорошо... я медленно кивнул, оглядываясь. За вино отдельно заплатишь, добавила она уже деловито. Но я вижу по твоим глазам ты парень честный. А если девушка остаётся надо бы отметить у участкового... Я невольно напрягся, нахмурился. Боишься? она усмехнулась, уловив мою реакцию. Понимаю...Ладно, я всё улажу. Никто не узнает, что ты здесь. Но не больше недели потом начнутся вопросы, и мне лишние хлопоты не нужны. Договорились, ответил я. Мы поднялись обратно во двор. Настя сидела на стуле посреди двора и с интересом рассматривала дом, будто примеряя его на себя. И что это мы расселись? игриво бросила хозяйка. Иди, готовь своему яични-

цу. А то сил на счастье не останется. Она шутливо хлопнула Настю по крутому бедру и довольно прищурилась: Ох, хороша девка... Потом махнула рукой в сторону кухни: Вон холодильник бери, что хочешь. Я направился в душ. Вода оказалась прохладной, и кожа мгновенно покрылась мурашками. Это отрезвило, собрало мысли. Когда я вышел, хозяйка уже ждала меня с полотенцем, прислонившись к косяку. Столоваться будешь? спросила она, пристально глядя. Я на секунду задержал взгляд на ее массивной груди и она это заметила. Но-но жеребчик, осадись, тихо, почти шёпотом сказала она с усмешкой. Иди к своей а там посмотрим, на что ты годишься. Она развернулась и ушла, оставив после себя лёгкий запах духов и недосказанность.

Глава 24

Я прошёл на кухню, ещё вытирая волосы полотенцем. Там уже было тепло и по-домашнему уютно: окно приоткрыто, лёгкий ветерок шевелит занавеску, на плите тихо шкварчит сковородка. Настя стояла у плиты, в моей рубашке, которая едва прикрывала её бёдра. Волосы собраны наспех, несколько прядей выбились и падали на щёку. Она сосредоточенно помешивала яичницу, но, услышав мои шаги, чуть обернулась. Проснулся, соня? мягко сказала она, улыбнувшись уголками губ. Я и не спал толком ответил я, прислонившись к косяку и глядя на неё. Она на секунду задержала на мне взгляд тёплый, спокойный, уже без той ночной игривости. В нём было что-то другое... почти домашнее. Садись, кивнула

она на стол. Сейчас будет готово. Я сел, провёл ладонью по столешнице шероховатое дерево, простое, настоящее. Настя ловко разложила яичницу по тарелкам, поставила хлеб, нарезала огурцы. Я тут немного хозяйничала сказала она чуть виновато. Надеюсь, ты не против. Мне нравится, ответил я. Даже слишком. Она тихо усмехнулась и села напротив, поджав под себя ногу. На секунду между нами повисла пауза не неловкая, а спокойная, тёплая. Знаешь... начала она, покручивая вилку, странно всё это. Вчера мы даже толком не знали друг друга... А сегодня ты готовишь мне завтрак, подхватил я. Угу она улыбнулась, но взгляд её стал мягче. И это почему-то не кажется странным. Я потянулся через стол, коснулся её пальцев. Она не отдернула руку наоборот, чуть сжала мои. Может, так и должно быть, тихо сказал я. Она посмотрела прямо в глаза долго, внимательно. Только давай без спешки ладно? прошептала она. Мне хочется, чтобы это было... по-настоящему. Договорились ответил я твердо. Она кивнула и вдруг оживилась: Ешь давай, а то остынет. Я старалась вообще-то. Я послушно взял вилку. Яичница была простой, но неожиданно вкусной может, из-за голода, а может, из-за неё. Настя наблюдала за мной с лёгкой улыбкой, подперев подбородок ладонью. Ну как? Спросила она с пристрастием. Опасно, серьёзно сказал я. В смысле? она удивлённо приподняла бровь. Если ты так будешь готовить каждое утро я отсюда никуда не уеду. Она рассмеялась тихо, искренне. И этот смех наполнил кухню чем-то таким, от чего станови-

лось спокойно. За окном уже окончательно проснулся день, во дворе кто-то прошёл, хлопнула калитка. Мир жил своей жизнью. А здесь, за этим простым столом, было ощущение, будто мы ненадолго выпали из него и нашли что-то своё, маленькое и настоящее. Настя не спешила есть. Она покручивала вилку, потом отложила её и снова посмотрела в окно, будто собираясь с мыслями. Ты правда так спокойно к этому относишься? тихо спросила она. Ко всему... что происходит. Я пожал плечами. А как надо? Она усмехнулась, но без веселья. Обычно... сложнее. Люди начинают что-то выяснять, придумывать... строить планы. А тут будто пауза. Я немного подался вперёд: Тебе это не нравится? Спросил я настороженно. Она задумалась, провела пальцем по краю тарелки. Наоборот... сказала наконец. Просто я не привыкла, что может быть вот так. Без лишнего. Ты такой степенный не по своим годам. И разговариваешь чудно. Ненадолго повисла тишина. Где-то за окном скрипнула калитка, и снова стало тихо. У меня всё как-то всегда с оглядкой было, продолжила она, не поднимая глаз. Дом, родители потом один человек. Я не перебивал. Долго с ним была. Думала всё серьёзно, надолго. А оказалось она чуть усмехнулась, но в голосе проскользнула усталость, оказалось, что я просто удобная. Я нахмурился: В каком смысле? В прямом, она подняла взгляд. Удобно, когда тебя ждут. Удобно, когда прощают. Удобно, когда не задают лишних вопросов. Я медленно кивнул. И ты ушла? Не сразу она покачала головой. Сначала пы-

талась понять, потом оправдывала. Потом злилась. А потом просто устала. Она вздохнула, будто сбрасывая с плеч что-то тяжёлое. И уехала. Сказала себе: хватит. Хочу пожить... без этого всего. Я посмотрел на неё внимательнее. Сейчас в ней не было ни вчерашней дерзости, ни утренней лёгкости только спокойная честность. И как... получается? спросил я. Она чуть улыбнулась: Пока учусь. Я протянул руку и снова коснулся её пальцев. На этот раз она сразу переплела их с моими. Знаешь, сказала она тихо, с тобой как будто не надо играть. Не надо что-то изображать. И не надо, ответил я. Она посмотрела прямо в глаза долго, внимательно, будто проверяя, можно ли верить. Только не исчезай резко, ладно? почти шёпотом добавила она. Я это плохо переношу. Не исчезну, сказал я спокойно. Она чуть кивнула, будто приняла этот ответ, и наконец взяла вилку. Всё, хватит серьёзных разговоров, попыталась она вернуть лёгкость. А то яичница обидится. Я усмехнулся: Уже обиделась. Тогда будем заглаживать вину, сказала она и впервые за разговор по-настоящему улыбнулась. И в этой улыбке снова появилось то самое тёплое, живое, настоящее, ради чего хотелось остаться подольше в этом утре. Я смотрел на неё и молчал.

Глава 25

Не хотел разрушать эту тихую, почти хрупкую идиллию. Она что-то говорила, улыбалась, поправляла волосы а я уже будто отходил в сторону, наблюдал издалека. Конечно я её брошу. Без предупреждения. Мысль была холодной, чёткой,

без колебаний. Я не тот человек, который остаётся. Я вообще не про это. Я как механизм, запущенный когда-то давно. Человек из другого времени, с какой-то своей, до конца не понятной даже мне миссией. Мне нельзя быть просто счастливым. Нельзя остановиться. Нельзя позволить себе чью-то жизнь рядом. Я разгоняюсь, как локомотив тяжёлый, глухой, неудержимый. И всё, что попадает на путь, я несу за собой, не спрашивая, не выбирая. Люди рядом как пассажиры в вагонах. Они смотрят в окна, смеются, надеются, строят что-то своё не понимая, что поезд уже мчится туда, где для них нет остановки. И, может быть, это жестоко. Но именно это меня и успокаивает. Я не чувствую вины. Я давно научился... не чувствовать её. Проще солгать. Проще сыграть роль. Проще дать человеку то, что он хочет сейчас не думая о том, что будет потом. Потому что «потом» это уже не моя территория. Я перевёл взгляд на Настю. Она смеялась тихо, искренне, как будто действительно верила в это утро, в этот дом, в нас. И на секунду внутри что-то дрогнуло. Но я лишь отвёл глаза и сделал вид, что ничего не произошло. Миссия есть миссия. И мне всё нипочём. Я смотрел на Настю, на её улыбку, на то, как она наклонилась над тарелкой, как легко и естественно двигаются её руки. И чем дольше я наблюдал, тем сильнее начинал поддаваться странному, опасному чувству, которое я давно запретил себе испытывать. Сначала это была лёгкая дрожь в груди. Потом тепло, медленно растекающееся по всему телу, словно кто-то тихо зажжёт огонь внутри. А

затем появилась тревога: если я позволю себе это – всё рухнет. Моя миссия, мой контроль, мой холодный рациональный мир всё это тут же треснет, как стекло. Я поймал себя на том, что хочу замедлить время, хочу, чтобы это утро длилось вечно. Хочу просто сидеть с ней, смотреть, как она ест, смеётся, шутит... и чувствовать, что я живу. Но каждое такое желание вызывало одновременно страх: за счастье нужно платить, и цена моя слишком высока. Ты молчишь, сказала она тихо, словно читая мои мысли. Всё в порядке? Я хотел ответить что-то уверенное, что успокоит её, но слова застряли в горле. И тогда я просто кивнул, почти бессмысленно. Она не настаивала. Она улыбнулась, кивнула, и я понял это доверие, мягкое и хрупкое, которое я не должен был заслужить. Внутри меня что-то зашевелилось, что-то, чего я давно не чувствовал настоящая, необузданная потребность быть с кем-то, а не просто наблюдать за ними из окна вагона. И чем больше я пытался её подавить, тем сильнее она давала о себе знать. Я понимал, что ломаюсь. Мои железные правила, холодные расчёты всё это трещит по швам. Я разгоняющийся локомотив и вдруг хочется остановиться. Не ради миссии, не ради цели, а ради неё. И в этом тихом, домашнем утре я впервые осознал: может быть, она способна изменить меня. Может быть, она уже это делает. Я всё ещё сидел напротив Насти, чувствуя, как внутреннее напряжение растёт. Казалось, сердце хочет вырваться из груди, а разум кричит: «Стой, не давай этому шанса». Но руки сами потянулись

к её почти невидимо, осторожно чтобы коснуться пальцев, пока она наклонилась за хлебом. Она замерла, когда наши пальцы соприкоснулись, но не отдернула руку. Лёгкое тепло её ладони распространилось по моей коже, и я на мгновение забыл обо всём, о миссии, о будущем, обо всём кроме этого момента. Ты начал я тихо, прерываясь. Я... просто хочу, чтобы это утро не заканчивалось. Она подняла на меня глаза, сначала удивлённые, а затем мягкие, доверчивые. Я тоже... прошептала она. Мне нравится, когда так спокойно. Я вдохнул глубже, пытаюсь обуздать то, что разгорается внутри, но чем сильнее я пытался, тем яснее становилось: я уже сдаюсь. Я не могу оставаться холодным. Знаешь сказал я, опуская взгляд на её руку, которую всё ещё держал, обычно я не позволяю себе таких вещей. Она слегка наклонила голову, слушая, и в её взгляде не было осуждения, только понимание. Но сейчас... продолжил я, едва слышно, я хочу быть рядом с тобой. Просто быть. Без миссий, без целей просто быть. Она улыбнулась, лёгкая и тихая, и я впервые ощутил, как напряжение уходит, оставляя странное, но приятное чувство ощущение, что можно доверять, что можно быть слабым. Тогда будь, сказала она, тихо, почти шёпотом. Я рядом. И в этом простом признании без громких слов и обещаний я почувствовал, что ломаюсь окончательно. Ломаюсь не к боли или страху, а к жизни. К обычной человеческой жизни, которую я давно запрещал себе. Я посмотрел на неё, на её глаза, на этот тихий дом, на солнечный свет,

падающий на стол. И понял: впервые за долгие годы я хочу быть просто человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.